

18+

Kate Kim

В огне

<https://litres.ru/74637039>

SelfPub; 2026

Аннотация

«В огне» — мрачный психологический триллер о запретных чувствах, детских травмах, одержимости, любви и тонкой грани между справедливостью и жестокостью.

Любовь способна спасти человека от тьмы. Но что, если сама тьма скрывается в том, кого ты любишь?

Спустя десять лет Мэйсон возвращается в маленький дождливый город Кортни, где прошло его несчастливое детство. Здесь он вновь встречается Ника — детектива, старшего брата своей лучшей подруги и мужчину, которого так и не сумел забыть.

Когда-то между ними вспыхнуло чувство, которому не суждено было осуществиться. Теперь они взрослые, но один взгляд, случайное прикосновение и знакомый запах мандаринов способны вновь разжечь огонь, тлевший все эти годы. Их сближение становится неизбежным, а прошлое постепенно возвращается, обнажая старые раны.

Но у Мэйсона есть тайна, которую он не может доверить даже любимому человеку. И чем сильнее становится их любовь, тем опаснее правда

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Kate Kim

В огне

Глава 1

В ОГНЕ

Часть первая. Возвращение

Глава 1. Город, который помнит

Автобус тяжело вздохнул пневматическими тормозами и остановился у обочины.

Мэйсон поднял голову.

За запотевшим стеклом тянулась мокрая улица. Невысокие здания, вывески небольших магазинов, тёмные ели за крышами домов. Серое небо нависало так низко, словно ещё немного — и облака зацепятся за провода.

Кортни. Британская Колумбия.

Десять лет.

Почти десять лет он не видел этого города. И всё же узнал его сразу — по сырому воздуху, по запаху хвои, по особенной тишине, которая наступала здесь между двумя дождями.

— Конечная, парень, — окликнул водитель.

— Да. Спасибо.

Мэйсон подхватил большой дорожный рюкзак, закинул его на плечо и спустился по ступенькам.

Холодный воздух коснулся лица.

Он остановился возле автобуса, пропуская остальных пассажиров. Несколько человек торопливо направились к ожидавшим машинам. Пожилая женщина раскрыла зонт. Кто-то громко засмеялся, встречая знакомого.

Обычное утро. Обычный город.

Только для него всё здесь было совсем не обычным.

Мэйсон медленно огляделся.

За годы отсутствия Кортни почти не изменился. Разве что появились новые здания, да некоторые старые вывески исчезли. На углу по-прежнему стояла кофейня, где они с Рис однажды просидели до закрытия, споря о том, какая профессия интереснее — судебная медицина или криминалистика.

Он даже вспомнил, как она тогда смеялась, размахивая бумажным стаканчиком.

«Ты слишком серьёзный, Ричардсон. Когда-нибудь у тебя от этого появятся морщины».

Мэйсон невольно коснулся пальцами лба.

Морщин пока не было.

А вот причин для них накопилось достаточно.

Он опустил руку, поправил лямку рюкзака и тяжело выдохнул.

— Ну здравствуй, Кортни, — тихо произнёс он.

Город не ответил.

Только ветер пошевелил ветви деревьев над остановкой.

В салоне городского автобуса пахло влажной одеждой и дешёвым кофе.

Мэйсон сел у окна, поставил рюкзак между коленями и достал телефон.

На экране оставалось письмо, которое он перечитывал уже несколько раз.

Мистер Ричардсон, сообщаем вам, что тело вашей матери, Эвелин Ричардсон, находится в распоряжении службы расследования смертей Британской Колумбии. После завершения необходимых судебно-медицинских процедур вам будет предоставлена возможность опознания и оформления документов...

Дальше шли адрес, контактный номер и сухие формулировки, за которыми скрывалось то, что невозможно было выразить официальным языком.

Его мать убили.

Не умерла от очередной передозировки. Не захлебнулась собственной рвотой после многодневного запоя. Не уснула зимой на улице, забыв дорогу домой.

Её убили.

Избили. Изрезали ножом.

Мэйсон погасил экран.

Ну вот, мама. Я приехал.

Он смотрел, как за окном проплывают мокрые фасады до-

мов.

Приехал за твоим прахом. Какой-то очередной ублюдок решил закончить то, что вы все столько лет делали друг с другом.

Он прикрыл глаза.

Ты хоть знала его имя? Или он был одним из тех, кого ты приводила домой, а наутро уже не помнила, как звали?

Вопрос остался без ответа.

Как и сотни других.

Мэйсон давно перестал ждать от матери объяснений.

В детстве он ещё пытался понять, почему она такая. Почему иногда могла быть ласковой, печь по воскресеньям блинчики, гладить его по волосам и обещать, что теперь всё обязательно изменится.

А потом наступал вечер.

На кухне появлялась бутылка. За бутылкой — мужчина. За мужчиной — крики.

И всё начиналось сначала.

Первого отчима Мэйсон помнил особенно отчётливо.

Ему было пять.

Мужчина был крупным, с тяжёлыми ладонями, красным лицом и запахом сигарет, который, казалось, навсегда въелся в стены их маленькой квартиры.

Когда тот напивался, Мэйсон старался не выходить из комнаты.

Иногда это помогало.

Чаще — нет.

Он помнил звук ремня, выскальзывающего из брюк. Помнил, как мать кричала из кухни, чтобы мужчина оставил ребёнка в покое. Помнил обжигающую боль, когда тот однажды прижал сигарету к его коже.

Маленький круглый шрам остался на плече до сих пор.

Но самым страшным было даже не это.

Были ночи, о которых Мэйсон не позволял себе вспоминать. Ночи, после которых он долго сидел под душем, хотя вода давно становилась холодной. Тогда он ещё не знал слов, которыми взрослые называют подобное насилие.

Он знал только одно: его тело больше ему не принадлежало.

Когда отчим умер от последствий многолетнего пьянства, Мэйсону было семь.

Он не плакал на похоронах.

Мать плакала за двоих.

Через несколько месяцев в доме появился другой мужчина.

Потом третий.

Четвёртый.

Мэйсон перестал считать.

У каждого было своё имя, своя история и свои обещания. Но почти все они одинаково любили выпить, повышать голос и распоряжаться чужой жизнью.

Мать меняла мужчин так, словно надеялась однажды най-

ти среди них того, кто спасёт её от самой себя.

Иногда она устраивалась на работу. Покупала новую одежду, красила волосы, наводила порядок в доме. Говорила сыну, что они наконец заживут нормально.

Мэйсон хотел ей верить.

Очень хотел.

Но однажды он понял, что её обещания существуют ровно до первой бутылки.

И перестал спрашивать, когда всё изменится.

Автобус свернул на перекрёстке.

Мэйсон открыл глаза.

А потом мы приехали сюда.

В Кортни ему исполнилось семнадцать.

Очередной отчим уверял, что получил хорошую работу и теперь у них начнётся новая жизнь.

Новая школа. Новый дом. Новые лица.

И Рис.

Мэйсон едва заметно улыбнулся.

В первый же день она уселась рядом с ним за парту, не спросив разрешения, и заявила:

«Ты новенький, а значит, пока ничего здесь не понимаешь. Придётся мне тебя спасать».

Она говорила быстро, смеялась громко и совершенно не умела держать дистанцию.

Мэйсон тогда ещё не знал, что эта рыжеволосая девчонка станет самым близким человеком в его жизни.

И что именно она однажды приведёт его в дом, где он встретит Ника.

Улыбка исчезла.

— Следующая остановка, — объявил водитель.

Мэйсон поднялся.

Прошрое пришлось оставить на потом.

Впереди его ждала мать.

В последний раз.

В здании, куда его направили для опознания, было тихо.

Слишком тихо.

За стойкой сидела женщина лет пятидесяти с короткими седыми волосами. Она подняла глаза от монитора.

— Доброе утро. Чем могу помочь?

— Мэйсон Ричардсон. Я приехал по поводу Эвелин Ричардсон.

Выражение её лица изменилось.

— Одну минуту, мистер Ричардсон.

Она проверила данные, затем попросила документ, удостоверяющий личность.

— Вам придётся немного подождать. С вами поговорит специалист.

Мэйсон кивнул.

Он сел на жёсткий стул у стены.

На журнальном столике лежали старые выпуски журналов. Рядом стояло искусственное растение, покрытое тонким слоем пыли.

Мэйсон смотрел на него и думал, что люди удивительно старательно пытаются сделать подобные места похожими на обычные учреждения.

Картины на стенах. Цветы. Вежливые голоса.

Только здесь никто не приходил за хорошими новостями.

— Мистер Ричардсон?

Перед ним стоял мужчина в светлой рубашке и тёмных брюках.

— Доктор Эндрю Коллинз. Я судебный патолог, проводивший исследование вашей матери. Примите мои соболезнования.

Мэйсон поднялся и пожал протянутую руку.

— Спасибо.

— Пройдёмте со мной.

Они вошли в небольшой кабинет.

Коллинз предложил ему сесть, но Мэйсон остался стоять.

— Я хотел бы её увидеть.

Врач несколько секунд смотрел на него.

— Вы уверены? Повреждения довольно серьёзные.

— Я знаю.

— Я обязан предупредить вас, что внешний вид тела может быть тяжёлым для восприятия.

Мэйсон посмотрел ему прямо в глаза.

— Доктор, я работаю с вещественными доказательствами по уголовным делам. Пожалуйста, не нужно меня готовить.

Коллинз чуть заметно кивнул.

— Понимаю. Но сейчас речь идёт о вашей матери.

Эти слова неожиданно задели Мэйсона.

Моей матери.

Он отвёл взгляд.

— Я хочу её увидеть.

Эвелин лежала под белой простынёй.

Волосы, когда-то густые и светлые, теперь были редкими, с тусклой желтизной у корней.

Лицо выглядело чужим.

На скуле темнел кровоподтёк. Возле брови виднелась рана, края которой были аккуратно обработаны после исследования.

Мэйсон медленно подошёл ближе.

Ему казалось, что он должен что-то почувствовать.

Боль. Горе. Жалость.

Хотя бы злость.

Но внутри было пусто.

Перед ним лежала женщина, которая родила его, кормила, иногда обнимала и много раз оставляла одного с людьми, от которых должна была защищать.

Женщина, которую он ненавидел.

И которую когда-то отчаянно любил.

— Это Эвелин Ричардсон? — тихо спросил врач.

Мэйсон долго смотрел на лицо матери.

— Да.

Он сглотнул.

— Это она.

Коллинз дал ему несколько минут.

Мэйсон не прикоснулся к телу.

Только стоял рядом и смотрел.

Ну что, мама?

Вот и всё.

Ему вдруг вспомнилось, как в детстве он заболел воспалением лёгких. Мать тогда три ночи почти не спала, сидела возле кровати и прикладывала прохладную ладонь к его лбу.

Он помнил эту ладонь.

И то, как через неделю она снова исчезла на двое суток.

Мэйсон сжал пальцы.

— Можно поговорить о повреждениях? — спросил он, не оборачиваясь.

Они вернулись в кабинет.

Коллинз раскрыл папку.

— Судебно-медицинское исследование завершено. Предварительные результаты показывают, что смерть наступила вследствие сочетания тяжёлых травм и кровопотери.

— Сколько ножевых ранений?

— Одиннадцать колото-резаных ран. Кроме того, многочисленные повреждения от ударов тупым предметом.

Мэйсон медленно поднял глаза.

— Одиннадцать?

— Да.

— Где именно?

— Преимущественно в области туловища. Имеются также повреждения рук.

— Защитные?

— Некоторые могут соответствовать попыткам защититься. Окончательная оценка будет отражена в заключении.

Мэйсон задумался.

Одиннадцать.

Он знал, что количество ран само по себе не доказывает ни мотив, ни эмоциональное состояние нападавшего.

Но подобная жестокость заставляла задавать вопросы.

— Она была в сознании во время нападения?

Коллинз закрыл папку.

— На основании имеющихся данных нельзя достоверно установить, как долго сохранялось сознание. Я понимаю, почему вы спрашиваете.

— Я не уверен, что вы понимаете.

Слова прозвучали резче, чем Мэйсон собирался.

Врач не обиделся.

— Возможно, вы правы.

Мэйсон провёл ладонью по лицу.

— Извините.

— Не нужно.

Некоторое время они молчали.

— Кто её обнаружил?

— Это уже вопрос к следователю. Я могу сообщить вам медицинские результаты в пределах разрешённой информа-

ции, но обстоятельства обнаружения тела и ход расследования относятся к полиции.

Мэйсон кивнул.

— Я хочу кремировать её.

— После завершения необходимых процедур и получения разрешения на выдачу тела это возможно. Служба коронера уже передаёт соответствующие сведения. Вам следует связаться с похоронным бюро и следователем, ведущим дело, чтобы уточнить, нет ли ограничений.

— Значит, мне нужно в полицию?

— Да. Контактные данные есть в документах, которые вам выдадут.

Мэйсон взял протянутый лист.

Внизу стояло название подразделения RCMP в Кортни. Он почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось. Ник.

Возможно, Ник до сих пор работал там.

Возможно, давно перевёлся.

Возможно, вообще уехал.

Десять лет — большой срок.

И всё же Мэйсон вдруг понял, что боится предстоящей встречи гораздо сильнее, чем только что боялся войти в помещение с телом матери.

— Мистер Ричардсон, — окликнул его Коллинз.

— Да?

— Вы можете обратиться за психологической поддерж-

кой. У нас есть контакты служб помощи родственникам погибших.

Мэйсон посмотрел на визитку, которую врач положил перед ним.

— Спасибо. Не нужно.

Он взял документы.

— Я справлюсь.

Эту фразу он произносил всю жизнь.

По дороге в полицейский участок начался мелкий дождь.

Мэйсон сидел у окна автобуса и смотрел на капли, которые медленно сползали по стеклу.

Он мог бы просто позвонить.

Узнать, кто ведёт дело. Получить необходимые сведения. Не заходить в участок вообще.

Но почему-то ехал туда лично.

Ты хочешь узнать, кто убил мать.

Разумеется.

И только поэтому?

Мэйсон сжал челюсти.

Он давно научился не отвечать на вопросы, которые задавал себе в неподходящее время.

За окном мелькнул знакомый перекрёсток.

Ему вспомнился Ник.

Не лицо даже — руки.

Крупные, сильные, с длинными пальцами. Ник всегда делал всё неторопливо, словно не существовало ничего, спо-

собного заставить его суетиться.

Когда-то Мэйсон мог часами наблюдать, как он чинит мотоцикл, перелистывает книгу или возится с какой-нибудь мелочью.

И каждый раз чувствовал странное волнение.

Он резко отвернулся от окна.

Господи, Ричардсон. Тебе двадцать восемь.

Десять лет.

Ник наверняка изменился.

Может быть, женился.

Может быть, у него дети.

Может быть, он даже не вспомнит школьного друга своей сестры.

Последняя мысль почему-то оказалась самой неприятной.

Здание полицейского подразделения выглядело строже, чем Мэйсон его помнил.

Стеклянные двери, светлые стены, парковка с несколькими служебными автомобилями.

Он остановился перед входом.

Рюкзак тянул плечо вниз.

Сердце билось быстро, неровно.

Что за идиотизм?

Он пришёл по делу об убийстве.

Не на свидание.

Не на встречу выпускников.

Не за воспоминаниями.

Мэйсон медленно вдохнул, взялся за дверную ручку и вошёл.

Внутри пахло кофе, бумагой и чем-то едва уловимо металлическим.

За стойкой дежурной части сидела молодая женщина.

— Добрый день.

— Здравствуйте. Меня зовут Мэйсон Ричардсон. Я сын Эвелин Ричардсон. Мне сказали обратиться по поводу её дела.

Женщина проверила информацию.

— Одну минуту.

Она позвонила кому-то по внутреннему телефону, коротко переговорила и положила трубку.

— Вас ожидают. Пройдите по коридору. Кабинет номер пять.

— Спасибо.

Мэйсон направился в указанную сторону.

Шаги глухо отдавались по полу.

Первый кабинет.

Второй.

Третий.

Возле четвёртого кто-то громко разговаривал по телефону.

Пятый находился в конце коридора.

Мэйсон остановился.

На двери висела табличка.

Detective Nick Thompson.

Он прочитал имя дважды.

Чёрт.

Ник.

Значит, всё-таки здесь.

Мэйсон почувствовал, как пересохло во рту.

Он поднял руку и постучал.

— Войдите.

Голос.

Низкий, немного хрипловатый.

Знакомый до боли.

Мэйсон нажал на ручку.

Ник Томпсон сидел за столом, склонившись над документами.

На нём была чёрная рубашка с закатанными рукавами. Из-под ткани виднелись татуировки, покрывавшие предплечья. Тёмно-русые волосы были собраны сзади в небрежный пучок, но несколько прядей выбились и падали на лоб.

Он что-то записывал.

Мэйсон замер на пороге.

Ник поднял голову.

И перестал писать.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Время словно потеряло привычную последовательность.

Мэйсон видел, как изменился Ник.

Он стал шире в плечах, лицо приобрело более жёсткие, мужественные черты. Короткая борода подчёркивала линию челюсти. Возле глаз появились едва заметные морщинки.

Но взгляд остался прежним.

Светлые глаза.

Спокойные.

Внимательные.

Те самые глаза, от которых когда-то Мэйсон терял способность связно говорить.

Господи.

Ник медленно положил ручку.

— Мэйсон?

В его голосе прозвучало не столько удивление, сколько недоверие.

Мэйсон попытался улыбнуться.

— Привет, Ник.

Ник поднялся.

Какой же он был высокий.

И каким знакомым оказалось это движение — чуть отодвинуть кресло, выпрямиться, провести ладонью по волосам.

— Мэйсон, — повторил он уже тише. — Рад, что ты приехал.

Он обошёл стол.

Остановился напротив.

Между ними оставалось меньше шага.

Ник протянул руку, словно собирался пожать его ладонь, но в последний момент движение изменилось. Он чуть приподнял другую руку — почти как перед объятием.

Мэйсон заметил это.

И сам едва подался навстречу.

На одно короткое мгновение ему показалось, что Ник сейчас обнимет его.

Как когда-то.

Просто притянет к себе, крепко прижмёт, и всё напряжение последних суток исчезнет.

Но Ник остановился.

Его рука опустилась.

— Прости, — негромко сказал он. — Из-за обстоятельств.

Мэйсон отвёл взгляд.

— Да. Конечно.

Ник вернулся к столу, но не сел. Подошёл к окну и посмотрел на мокрую парковку.

— Присаживайся. Я расскажу тебе, что нам известно.

Мэйсон опустился на стул.

Рюкзак поставил рядом.

Он вдруг почувствовал страшную усталость.

Не от дороги.

От того, сколько сил потребовалось, чтобы просто войти в эту комнату.

Ник повернулся к нему.

Лицо снова стало сосредоточенным.

Детектив.

Не тот молодой парень, которого Мэйсон помнил.

Взрослый мужчина, привыкший сообщать людям плохие новости.

— Тело твоей матери обнаружили пять дней назад, — начал Ник. — В её доме. Соседка заметила, что входная дверь несколько часов оставалась приоткрытой. Она позвонила в полицию.

Мэйсон молчал.

— На месте были следы борьбы. Часть мебели перевёрнута. На кухне разбитая посуда. Судя по предварительной картине, нападение произошло внутри дома.

— Она была одна?

— Мы пока не можем утверждать это наверняка. Есть основания полагать, что незадолго до смерти у неё был гость.

— Мужчина?

— Вероятно.

— Её любовник?

Ник немного помедлил.

— Мы проверяем несколько человек, с которыми она общалась в последнее время.

Мэйсон горько усмехнулся.

— Значит, список длинный.

Ник ничего не ответил.

И это молчание оказалось красноречивее любых слов.

— Что ещё? — спросил Мэйсон.

— На месте обнаружили следы, которые сейчас исследуются. Мы изучаем записи камер с соседних улиц, опрашиваем людей, проверяем её последние контакты.

— Отпечатки?

— Есть несколько следов рук, пригодность которых ещё оценивают специалисты. Результаты идентификации пока нет.

— ДНК?

— Некоторые образцы направлены на исследование. Я не могу сейчас сказать, что именно удастся получить.

Мэйсон кивнул.

Он понимал.

Слишком хорошо понимал.

— Кто-нибудь слышал крики?

— Один из соседей сообщил о шуме вечером накануне обнаружения. Но точное время нападения пока уточняется.

— У вас есть подозреваемый?

Ник посмотрел на него внимательно.

— У нас есть люди, которых необходимо проверить.

— Это не ответ.

— Пока это единственный ответ, который я могу тебе дать.

Мэйсон откинулся на спинку стула.

За окном дождь стал сильнее.

— Её били, Ник. Потом одиннадцать раз ударили ножом.

Ник не отвёл взгляда.

— Я знаю.

— Это не похоже на случайную ссору.

— Возможно. Но мы не можем строить выводы только на количестве ранений.

Мэйсон стиснул зубы.

— Я тоже это знаю.

Ник несколько секунд молчал.

— Тогда ты понимаешь, почему я не стану делать предположений раньше времени.

Мэйсон опустил глаза.

Конечно, понимал.

Ник всегда был таким.

Никогда не говорил больше, чем знал наверняка.

Никогда не торопился с выводами.

И именно это когда-то сводило Мэйсона с ума.

— Я хочу знать, кто её убил, — тихо произнёс он.

— Мы работаем над этим.

— Я не собираюсь просто забрать её прах и уехать.

Ник слегка наклонил голову.

— Ты хочешь остаться?

Мэйсон поднял на него глаза.

— Пока не знаю.

Он помолчал.

— Но я хочу разобраться.

Ник медленно кивнул.

— Я понимаю.

Мэйсон посмотрел на папку перед ним.

— Скажи, я уже могу её кремировать?

— Судебно-медицинские процедуры завершены, и служба коронера разрешила выдачу тела. Насколько мне известно, дополнительных ограничений нет. Я уточню окончательное подтверждение и передам тебе документы для похоронного бюро.

— Хорошо.

Мэйсон потёр переносицу.

Он хотел задать ещё десяток вопросов, но мысли неожиданно стали вязкими.

Ник заметил это.

— Ты, наверное, устал с дороги?

Мэйсон поднял голову.

Вопрос был простым.

Обычным.

Но почему-то застал его врасплох.

Устал?

За последние сутки ему задавали множество вопросов.

Когда он получил известие.

Когда сможет приехать.

Готов ли опознать тело.

Какие документы у него есть.

Что он собирается делать с останками.

Но никто не спросил, как он себя чувствует.

Мэйсон слегка пожал плечами.

— Немного.

Ник посмотрел на рюкзак у его ног.

— Ты прямо с автобуса?

— Да.

— Ел сегодня?

Мэйсон невольно усмехнулся.

— Ник...

— Что?

— Ты всегда задаёшь столько вопросов?

На губах Ника появилась едва заметная улыбка.

— Работа такая.

Эта улыбка.

Чёртова улыбка.

Мэйсон почувствовал, как внутри что-то болезненно дрогнуло.

Ник первым отвёл глаза.

— Ладно. Не буду тебя задерживать. Завтра завезу документы.

— Завезёшь?

— Да. Всё равно буду неподалёку.

Мэйсон кивнул.

— Спасибо.

— Ты остановишься в доме матери?

— Думаю, да. Пока разберусь с вещами.

Ник нахмурился.

— Дом уже осмотрен, но там может быть тяжело нахо-

диться.

— Я справлюсь.

Ник посмотрел на него чуть дольше обычного.

Словно хотел что-то сказать.

Но передумал.

— Хорошо. Тогда завтра.

Мэйсон поднялся.

Закинул рюкзак на плечо.

— До завтра, Ник.

— До завтра, Мэйсон.

Он направился к двери.

Взялся за ручку.

И почему-то остановился.

Обернулся.

Ник уже сидел за столом.

Склонив голову, он что-то записывал в блокноте. Длинные пальцы спокойно двигались по бумаге. Выбившаяся прядь снова упала ему на лоб.

Мэйсон замер.

Десять лет.

Десять лет назад он точно так же стоял в дверях комнаты Ника и наблюдал, как тот сосредоточенно разбирает какую-то деталь мотоцикла.

Тогда Мэйсон ещё не понимал, почему ему хочется смотреть на это бесконечно.

На сильные руки.

На спокойное лицо.

На чуть нахмуренные брови.

На то, как Ник иногда прикусывал нижнюю губу, когда особенно внимательно что-то изучал.

Сейчас он делал то же самое.

Мэйсон почувствовал, как у него перехватило дыхание.

Ник поднял голову.

Их взгляды снова встретились.

— Мэйсон?

— Да?

— Ты что-то хотел?

Он едва заметно покачал головой.

— Нет.

Поджал губы.

Заставил себя улыбнуться.

— Пока.

И поднял руку в коротком прощальном жесте.

— Пока, — тихо ответил Ник.

Дверь закрылась.

На улице шёл дождь.

Мелкие холодные капли падали на лицо, стекали по волосам, темнели на плечах куртки.

Мэйсон отошёл от здания и остановился под деревом.

Вдохнул.

Потом ещё раз.

Воздух был влажным, пах мокрой корой и асфальтом.

Он запрокинул голову, позволяя дождю коснуться лица.
Сердце всё ещё билось слишком быстро.

— Чёрт побери, — выдохнул он. — Что со мной происходит?

Он закрыл глаза.

Перед ним снова возникло лицо Ника.

Светлые глаза.

Борода.

Волосы, собранные в пучок.

Руки.

И то короткое движение навстречу, которое так и не стало
объятием.

Мэйсон нервно усмехнулся.

Десять лет, Ричардсон.

Ты прожил десять лет.

Неужели ничего не изменилось?

Он достал телефон, открыл адрес матери и вызвал такси.

Дождь усиливался.

Мэйсон стоял под ним, не пытаясь спрятаться.

Ему казалось, что холодная вода постепенно смывает на-
пряжение, накопившееся за весь день.

Но одного она смыть не могла.

Ощущения, что вместе с возвращением в этот город он
открыл дверь, которую когда-то поклялся больше не трогать.

Десять лет назад

Ник Томпсон сидел в гостиной с книгой.

За окном шумел дождь, в камине потрескивали дрова. Он только что вернулся с работы и собирался провести хотя бы пару часов в тишине.

План оказался обречённым.

Входная дверь распахнулась с таким грохотом, словно в дом ворвался ураган.

— Ник! Ты дома?!

Он даже не поднял головы.

— Нет, Рис. Это моя призрачная копия.

— Очень смешно!

Послышались быстрые шаги.

Через секунду в гостиную влетела сестра.

Рыжие волосы были растрёпаны ветром, на щеках горел румянец. На ней была короткая кожаная куртка, тяжёлые ботинки и несколько серебряных цепочек, которые громко звякнули, когда она остановилась перед диваном.

За руку она тащила незнакомого парня.

— Ник, познакомься! Это Мэйсон! Он новенький у нас в классе. Представляешь, переехал только на прошлой неделе, вообще никого не знает, а я решила, что это совершенно недопустимо!

— Рис, — спокойно произнёс Ник, — ты когда-нибудь пробовала делать паузы между предложениями?

— Зачем?

— Чтобы люди успевали дышать.

— Не занудствуй!

Она потянула парня вперёд.

— Мэйсон, это мой старший брат Ник. Он ужасно скучный, зато иногда бывает полезным.

Ник наконец отложил книгу.

И поднял глаза.

Парень стоял чуть позади Рис.

Худощавый, светлокожий, с мягкими светлыми кудрями, которые обрамляли лицо и слегка прикрывали уши. Несколько прядей падали на лоб. Большие зелёные глаза смотрели внимательно, с лёгкой настороженностью.

Он был красив.

Не той броской красотой, которую Ник привык замечать в клубах или на вечеринках.

В нём было что-то удивительно открытое.

И одновременно печальное.

Словно он ещё не успел научиться прятать то, что происходило у него внутри.

— Привет, — сказал парень.

И улыбнулся.

У Ника что-то дрогнуло в груди.

Совершенно неожиданно.

Нелепо.

Он поймал себя на том, что смотрит на губы незнакомца.
На аккуратную линию носа.

На светлые брови.

На ямочку, появившуюся возле щеки, когда тот улыбнулся чуть шире.

Что за чёрт?

Ник медленно поднялся.

— Ник Томпсон.

Он протянул руку.

— Мэйсон Ричардсон.

Парень пожал её.

Ладонь оказалась прохладной.

Ник почему-то запомнил это.

И то, как Мэйсон посмотрел ему прямо в глаза.

Без смущения.

Но с каким-то странным любопытством.

— Ты надолго к нам? — спросил Ник.

— Надеюсь, — ответил Мэйсон.

Рис фыркнула.

— Конечно надолго! Мы уже решили, что вместе поступим в университет. Правда, Мэйсон?

— Ты решила, — мягко поправил её парень.

— Не придирайся к мелочам.

Ник усмехнулся.

— Сколько тебе лет, Мэйсон?

— Семнадцать.

Что-то внутри Ника мгновенно остановилось.

Семнадцать.

Он убрал руку.

— Ясно.

И заставил себя посмотреть на сестру.

— Рис, мама знает, что ты привела гостя?

— Конечно! Ну... почти.

— То есть нет.

— Ник!

Он покачал головой.

— Ладно. Идите на кухню. Там есть пирог.

Рис радостно вскрикнула.

— Вот за это я тебя люблю!

Она снова схватила Мэйсона за руку и потащила за собой.

Парень обернулся.

— Был рад познакомиться, Ник.

— Взаимно.

Ник смотрел им вслед.

И только когда они скрылись за дверью кухни, медленно опустился на диван.

Книга лежала перед ним раскрытой.

Он не помнил ни строчки из того, что читал.

Семнадцать лет.

Ник провёл ладонью по лицу.

— Прекрасно, Томпсон, — пробормотал он. — Просто прекрасно.

В последующие месяцы Мэйсон стал появляться в их доме всё чаще.

Сначала вместе с Рис — после школы.

Потом на выходных.

Иногда они занимали всю гостиную учебниками, спорили над заданиями и устраивали такие шумные перепалки, что Ник уходил в гараж, лишь бы не слушать их.

Но однажды он заметил, что стал ждать этих визитов.

Ждать, когда хлопнет входная дверь.

Когда Рис громко объявит о своём возвращении.

И когда вслед за ней прозвучит другой голос.

Спокойный.

Чуть насмешливый.

— Привет, Ник.

Мэйсон всегда здоровался с ним отдельно.

Иногда останавливался возле гаража и спрашивал, что Ник делает.

Однажды просидел рядом почти два часа, наблюдая, как тот разбирает двигатель мотоцикла.

— Тебе не скучно? — спросил Ник.

Мэйсон покачал головой.

— Нет.

— Ты хоть понимаешь, что я делаю?

— Не особенно.

— Тогда зачем смотришь?

Парень улыбнулся.

— Мне нравится смотреть, как ты работаешь.

Ник опустил гаечный ключ.

Посмотрел на него.

Мэйсон не отвёл глаз.

Несколько секунд между ними стояла странная тишина.

Потом Ник отвернулся к двигателю.

— Передай трещотку.

Мэйсон послушно протянул инструмент.

И Ник впервые понял, что дело становится опасным.

Не потому, что Мэйсон делал что-то неправильное.

А потому, что сам Ник начинал чувствовать то, чему не должен был позволять развиваться.

Он был старше на пять лет.

Взрослый мужчина.

А Мэйсон ещё учился в школе.

И как бы сильно ни притягивал его этот светловолосый парень, Ник знал, что обязан держать дистанцию.

Он так и делал.

По крайней мере, пытался.

Ник вернулся в настоящее от звука телефона.

Он сидел за столом в своём кабинете.

Перед ним лежала папка по делу Эвелин Ричардсон.

За окном шёл дождь.

Тот самый дождь, который сопровождал почти все важные воспоминания о Мэйсоне.

Ник медленно выдохнул.

Десять лет.

Десять лет он убеждал себя, что всё осталось в прошлом.

Что это было всего лишь странное увлечение.

Короткий период.

Ошибка восприятия.

Что Мэйсон давно вырос, изменился, построил собственную жизнь.

И он, Ник, тоже.

Но сегодня дверь кабинета открылась.

На пороге появился высокий светловолосый мужчина с большим рюкзаком.

И Ник сразу узнал его.

Не по волосам.

Не по лицу.

Даже не по голосу.

По тому, что произошло внутри него в ту секунду.

Точно так же, как десять лет назад.

Он медленно провёл ладонью по бороде.

Взгляд упал на пустой стул напротив.

Ты вернулся, Мэйсон.

Ник взял ручку.

Попытался сосредоточиться на документах.

Не получилось.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно.

По стеклу медленно стекали капли.

— Чёрт, — тихо произнёс он.

И впервые за много лет позволил себе признать то, от чего так долго уходил.

Он никогда не забывал Мэйсона Ричардсона.

Ни на один день.

Конец первой главы.

Глава 2. Тепло чужих рук

Ключ вошёл в замочную скважину не сразу.

Мэйсон попробовал повернуть его ещё раз, слегка приподнял дверную ручку, и старый замок наконец поддался.

Дверь открылась с протяжным скрипом.

Он остановился на пороге.

В доме пахло сыростью, пылью и чем-то затхлым, словно воздух здесь не менялся годами. В прихожей стояла старая обувница. Над ней висело зеркало с трещиной в правом углу. На крючке возле двери одиноко покачивался женский шарф.

Мэйсон узнал его.

Когда-то он подарил матери этот шарф на Рождество. Тогда она ещё работала в небольшом продуктовом магазине и почти месяц не пила.

Он помнил, как она радовалась подарку, обнимала его, целовала в щёку и говорила, что у неё самый замечательный сын на свете.

А через три дня продала его старый велосипед, чтобы купить выпивку.

Мэйсон отвёл взгляд.

— Ну что ж, мама, — негромко произнёс он. — Я дома.

Он вошёл, закрыл дверь и поставил рюкзак на пол.

В гостиной царил беспорядок.

Несколько предметов мебели были сдвинуты с привычных мест. На полу виднелись следы криминалистической разметки, оставленной после осмотра. Часть вещей была убрана в коробки, диван и кресло прикрыты белыми простынями. На журнальном столике лежал перевернутый пульт от телевизора.

Мэйсон медленно прошёл по комнате.

Каждая вещь казалась знакомой и одновременно чужой.

Старый торшер.

Книжный шкаф с отбитым углом.

Потёртый ковёр, который мать собиралась заменить ещё тогда, когда он учился в школе.

Ничего не изменилось.

Только теперь здесь было непривычно тихо.

Он подошёл к дивану, стянул с него простыню и сел.

Пружины жалобно скрипнули.

Мэйсон откинул голову на спинку и посмотрел в потолок.

Сколько же всего помнят эти стены.

Пьяные крики.

Звон разбитой посуды.

Глухие удары.

Плач матери.

Её смех, когда она напивалась настолько, что переставала различать происходящее вокруг.

Он помнил всё.

Даже то, что хотел бы забыть.

Особенно это.

Десять лет назад

— Ты куда собрался, щенок?!

Мэйсон остановился возле кухонной двери.

Отчим сидел за столом, расставив ноги. Перед ним стояла почти пустая бутылка виски. Мать курила у окна.

— К Рис, — ответил Мэйсон.

— Опять к этой рыжей девке?

— Её зовут Рис.

Мужчина усмехнулся.

— Смотри-ка, какой воспитанный. Ишь ты, заступник на-
шёлся.

Мэйсон промолчал.

Он давно усвоил: с пьяным человеком лучше не спорить.

— Я тебя спрашиваю, куда ты собрался?!

— Я ответил.

Отчим резко поднялся.

Стул с грохотом ударился о пол.

— Ты ещё огрызаться будешь?

— Дэвид, оставь его, — устало сказала мать.

— А ты заткнись!

Мэйсон сделал шаг назад.

Но было поздно.

Мужчина схватил его за ворот футболки и резко притянул
к себе.

— Ты думаешь, если вырос, то можешь со мной так разговаривать?

От него разило алкоголем.

Мэйсон попытался освободиться.

— Отпусти.

Удар последовал неожиданно.

Тяжёлая ладонь обрушилась на лицо.

Голову резко отбросило в сторону. Перед глазами вспыхнули белые искры. Во рту появился металлический привкус.

— Не смей его трогать! — закричала мать.

Она бросилась к ним, схватила мужа за руку.

— Дэвид! Прекрати!

Тот грубо оттолкнул её.

Мэйсон почувствовал, как внутри поднимается знакомая волна.

Не страх.

Нет.

Страх давно превратился в нечто другое.

В ярость.

Горячую, тяжёлую, почти удушающую.

Ему хотелось ударить этого человека.

Так сильно, чтобы тот больше никогда не поднял руку ни на него, ни на мать.

Но он знал, чем это закончится.

Поэтому просто вырвался.

— Пошёл ты!

Он бросился в прихожую.

Схватил кеды, кое-как натянул их на босые ноги и распахнул дверь.

— Мэйсон! — закричала мать. — Мэйсон, не уходи!

Он уже бежал.

— Вернись! Слышишь меня?!

Дверь хлопнула за спиной.

Мэйсон не обернулся.

Дождь начался почти сразу.

Сначала мелкий, едва заметный.

Потом холодные капли стали падать всё чаще, стекать по волосам, за ворот футболки, по спине.

Мэйсон шёл вдоль дороги, засунув руки в карманы джинсов.

Щека горела.

Губа саднила.

Но гораздо сильнее болело что-то внутри.

Он ненавидел возвращаться домой.

Ненавидел запах алкоголя, чужие голоса, материнские обещания.

И больше всего ненавидел себя за то, что каждый раз всё равно надеялся.

Может, сегодня будет спокойно.

Может, она наконец бросит пить.

Может, он больше не поднимет руку.

Каким же идиотом нужно быть, чтобы продолжать в это

верить?

Мэйсон ускорил шаг.

Потом побежал.

Он бежал, пока лёгкие не начало жечь, а ноги не стали тяжёлыми.

Остановился только за городом, где дорога уходила между высокими деревьями.

Здесь было темно.

Фонари остались далеко позади.

Мэйсон согнулся, упёрся ладонями в колени и попытался отдышаться.

Холод пробирал до костей.

Тонкая футболка прилипла к телу. Волосы намокли, вода стекала по вискам и шее. Пальцы почти перестали слушаться.

Он выпрямился и посмотрел на дорогу.

Возвращаться было некуда.

К Рис идти не хотелось. Она начнёт расспрашивать, увидит разбитую губу, разозлится, захочет что-нибудь сделать.

А он устал объяснять.

Устал быть тем парнем, у которого дома вечно происходит какое-нибудь дерьмо.

Он просто хотел исчезнуть.

Хотя бы на одну ночь.

Вдалеке послышался низкий рокот двигателя.

Мэйсон не обратил внимания.

Звук приближался.

По мокрому асфальту скользнули два ярких пятна света.

Мотоцикл.

Он проехал мимо, затем замедлился.

Двигатель негромко зарычал.

Мотоцикл остановился в нескольких метрах впереди.

Мэйсон насторожился.

Водитель поставил ногу на землю, заглушил двигатель и снял шлем.

Даже в полумраке Мэйсон узнал его сразу.

— Ник?

Ник Томпсон повернул голову.

Тёмные волосы были собраны сзади, несколько мокрых прядей прилипли ко лбу. На нём была чёрная кожаная куртка.

Он быстро оглядел Мэйсона.

— Какого чёрта ты здесь делаешь?

— Гуляю.

Ник посмотрел на мокрую футболку, джинсы и кеды.

— В такую погоду?

— Мне нравится дождь.

— Вижу.

Он слез с мотоцикла и подошёл ближе.

Мэйсон инстинктивно отступил.

Ник заметил это.

Остановился.

— Эй. Это я.

В его голосе не было раздражения.

Только спокойствие.

Мэйсон опустил глаза.

— Знаю.

Ник посмотрел на его лицо.

— Кто тебя ударил?

— Никто.

— Мэйсон.

— Я сказал, никто.

Ник некоторое время молчал.

Потом медленно поднял руку и положил ладонь ему на плечо.

Мэйсон вздрогнул.

Не от испуга.

От неожиданности.

Прикосновение было тёплым даже сквозь промокшую ткань.

Ник не сжимал его плечо, не удерживал, не заставлял смотреть на себя.

Просто стоял рядом.

И почему-то именно это оказалось невыносимо.

За всю жизнь Мэйсон привык к прикосновениям, которые требовали, причиняли боль, отталкивали или брали без разрешения.

Но сейчас чья-то ладонь лежала на его плече так, словно ему ничего не нужно было делать взамен.

Ник слегка наклонился.

— Ты замёрз.

— Нормально.

— У тебя зубы стучат.

— Не стучат.

Ник усмехнулся.

— Конечно.

Он снял куртку.

— Надень.

— Не надо.

— Мэйсон.

В этом коротком обращении было столько спокойной настойчивости, что спорить почему-то расхотелось.

Ник накинул куртку ему на плечи.

Она оказалась большой, тяжёлой и удивительно тёплой.

Пахла кожей, дождём и чем-то ещё.

Древесным.

Чуть пряным.

Мэйсон невольно вдохнул глубже.

Этот запах он уже знал.

Так пах Ник, когда возвращался с работы, когда сидел на диване с книгой, когда возился со своим мотоциклом в гараже.

И внезапно Мэйсону показалось, что он оказался в без-

опасности.

Не дома.

Не рядом с матерью.

А здесь, на пустой дороге, под холодным дождём.

Рядом с человеком, который просто отдал ему свою куртку.

— Садись, — сказал Ник, кивнув на мотоцикл.

Мэйсон напрягся.

— Я не поеду домой.

— А я разве предлагаю тебе ехать домой?

Он поднял на него глаза.

Ник смотрел спокойно.

— Но стоять посреди дороги и мёрзнуть под дождём — не лучшее решение.

— Куда тогда?

— Есть одно место.

— Какое?

— Увидишь.

Ник протянул ему запасной шлем.

Мэйсон взял его.

— Ты всегда такой загадочный?

— Только по пятницам.

— Сегодня среда.

— Значит, тебе повезло.

Мэйсон неожиданно рассмеялся.

Совсем тихо.

Но впервые за весь вечер.

Ник улыбнулся в ответ.

— Давай, залезай.

Мэйсон надел шлем и сел позади него.

Сиденье было узким.

Пришлось придвинуться ближе.

Ник повернул голову.

— Держись крепче.

Мэйсон осторожно положил руки ему на талию.

— Так?

— Крепче.

Он обхватил его обеими руками.

Через тонкую ткань рубашки чувствовалось тепло тела.

Ник накрыл его сцепленные ладони своей рукой.

Проверил, насколько надёжно он держится.

Потом слегка прижал их к себе.

И задержал ладонь на несколько секунд.

Мэйсон перестал дышать.

Словно всё его тело вдруг сосредоточилось в одной точке.

Там, где сильные пальцы Ника касались его руки.

По спине пробежала дрожь.

Совсем другая.

Не от холода.

Господи.

Он уткнулся взглядом в мокрые складки рубашки перед собой.

Ник убрал руку, завёл двигатель.

Мотоцикл мягко тронулся.

Мэйсон прижался ближе.

И впервые за весь вечер ему не хотелось никуда убегать.

Они ехали почти сорок минут.

Город остался позади. Дорога поднималась выше, петляя между густыми хвойными лесами. В свете фары мелькали мокрые стволы деревьев, дорожные знаки и низкие ветви.

Мэйсон почти не смотрел по сторонам.

Он чувствовал движение мотоцикла, прохладный воздух на лице и тепло Ника перед собой.

Иногда на поворотах приходилось прижиматься крепче.

Каждый раз Ник уверенно удерживал мотоцикл, не делая ни одного резкого движения.

Мэйсон подумал, что мог бы ехать так бесконечно.

Не разговаривать.

Не объяснять.

Просто держаться за него.

Наконец они свернули с основной дороги на узкую лесную колею.

Впереди показался небольшой деревянный домик.

Он стоял среди высоких елей, почти скрытый за деревьями. Крыша потемнела от дождя, крыльцо выглядело старым, но крепким.

Ник заглушил двигатель.

— Приехали.

Мэйсон слез с мотоцикла и огляделся.

— Что это за место?

— Домик моего деда. Давно здесь никто постоянно не живёт. Иногда приезжаю, когда хочется тишины.

— Ты привёз меня в лес, чтобы убить?

Ник посмотрел на него.

— Чёрт. А я надеялся, ты не догадаешься так быстро.

Мэйсон улыбнулся.

— Надо было хотя бы лопату спрятать.

— Она в сарае.

Они оба рассмеялись.

И этот короткий смех почему-то сделал вечер совсем другим.

Внутри домика пахло сухим деревом, старой мебелью и золой.

Ник включил свет.

Небольшая гостиная, деревянный стол, диван у стены, несколько книжных полок. В углу стояла чугунная печь-камин.

— Снимай мокрую обувь, — сказал Ник. — Сейчас растоплю.

Мэйсон послушно разулся.

Ник принёс из соседнего помещения сухие поленья, уложил их в печь и разжёл огонь.

Через несколько минут за стеклянной дверцей затанцевали языки пламени.

Комната постепенно наполнялась теплом.

Ник достал из шкафа большой шерстяной плед.

— Держи.

Мэйсон хотел сказать, что не нужно.

Но Ник уже накинул плед ему на плечи.

— Садись ближе к огню.

Мэйсон опустил на диван.

Ник поставил возле него кружку горячего чая.

— Осторожно. Горячий.

— Спасибо.

Ник кивнул и сел в кресло напротив.

Некоторое время они молчали.

За окнами шумел дождь.

В печи потрескивали поленья.

Мэйсон держал кружку обеими руками и смотрел на огонь.

Он ожидал вопросов.

Что случилось дома?

Кто тебя ударил?

Почему ты убежал?

Что собираешься делать дальше?

Но Ник ничего не спрашивал.

Просто сидел рядом.

Иногда подбрасывал дрова.

Иногда смотрел в окно.

И это молчание было удивительным.

Мэйсон никогда прежде не чувствовал себя так спокойно рядом с другим человеком.

Обычно тишина пугала его.

Дома она означала, что кто-то вот-вот сорвётся.

Что за закрытой дверью назревает скандал.

Что нужно быть настороже.

Но здесь тишина не требовала защиты.

Она была мягкой.

Тёплой.

Почти уютной.

Мэйсон украдкой посмотрел на Ника.

Тот сидел, вытянув длинные ноги к огню, и задумчиво наблюдал за пламенем.

Свет ложился на его лицо, подчёркивал линию скул, тёмные ресницы, изгиб губ.

Красивый.

Мысль возникла так неожиданно, что Мэйсон опустил глаза.

Он уже давно замечал, что Ник ему нравится.

Но до этого вечера старательно называл свои чувства восхищением.

Симпатией.

Интересом.

Чем угодно.

Только не тем, чем они могли оказаться на самом деле.

— Согрелся?

Голос Ника заставил его вздрогнуть.

— Немного.

Ник посмотрел на его руки.

Пальцы всё ещё дрожали.

— Иди сюда.

Мэйсон растерянно поднял глаза.

— Что?

— Руки дай.

Он протянул ладони.

Ник пересел ближе, взял его руки в свои.

Его пальцы были большими и тёплыми.

Он осторожно растёр замёрзшие кисти, затем поднёс их к губам и несколько раз согрел дыханием.

Мэйсон смотрел на него, не двигаясь.

На склонённую голову.

На прядь волос, упавшую на лоб.

На сильные руки, в которых сейчас лежали его собственные.

Он чувствовал, как в груди разливается что-то горячее.

Почти болезненное.

Ник поднял глаза.

— Всё ещё холодные.

Мэйсон попытался улыбнуться.

— Наверное, я просто долго стоял под дождём.

— Наверное.

Ник отпустил его руки, поднялся и достал с полки ещё один плед.

— Подвинься немного.

Он сел позади Мэйсона на широкий диван, оставив ему возможность отстраниться, и набросил плед им на плечи.

— Можно?

Мэйсон кивнул.

Ник осторожно обнял его поверх пледа, согревая своим телом.

— Так лучше?

Мэйсон не сразу смог ответить.

Тепло окружило его со всех сторон.

Спина ощущала грудь Ника. Рядом с виском слышалось его ровное дыхание.

Он сидел совершенно неподвижно.

Боялся пошевелиться.

Боялся разрушить этот момент.

Ник ничего не требовал.

Не пытался приблизить его сильнее.

Просто держал рядом, пока тот не перестанет дрожать.

И от этого простого человеческого участия у Мэйсона неожиданно защипало глаза.

Почему ты такой?

Он смотрел на огонь.

Почему ты просто не можешь быть таким же, как осталь-

ные?

Тогда всё было бы проще.

Можно было бы не думать о тебе.

Не ждать твоих шагов в коридоре.

Не искать тебя глазами, когда приходишь к Рис.

Не чувствовать, как сердце начинает биться быстрее, стоит тебе улыбнуться.

Мэйсон осторожно опустил голову на плечо Ника.

Тот на мгновение замер.

Потом чуть поправил плед.

— Всё нормально? — тихо спросил он.

Мэйсон закрыл глаза.

— Да.

И после короткой паузы добавил:

— Сейчас нормально.

Ник ничего не ответил.

Только остался рядом.

За окном продолжался дождь.

В камине горел огонь.

И Мэйсон впервые за много лет почувствовал, что ему не нужно заслуживать право на тепло.

Настоящее время

Мэйсон резко открыл глаза.

Он всё ещё сидел на старом диване в доме матери.

За окном уже темнело.

В комнате было холодно.

Ника рядом не было.

Только белая простыня, скомканная возле его ног, и запах пыли.

Мэйсон провёл ладонью по лицу.

— Чёрт поberi...

Десять лет.

Он десять лет пытался забыть тот вечер.

И все остальные.

Переезжал из города в город.

Работал.

Учился.

Знакомился с людьми.

Позволял другим женщинам обнимать себя, целовать, оставаться на ночь.

Иногда ему даже казалось, что он влюблён.

Но стоило закрыть глаза — и перед ним снова возникал Ник.

Его руки.

Его голос.

Запах кожаной куртки.

Тот домик в горах.

И ощущение, что рядом с ним впервые в жизни можно было просто быть собой.

Мэйсон сжал кулаки.

— Да что со мной не так?

Он резко поднялся.

Нет.

Хватит.

Он приехал не за этим.

Не для того, чтобы снова превращаться в семнадцатилетнего мальчишку, который терял голову от одного взгляда взрослого мужчины.

У него была работа.

Была собственная жизнь.

Были причины, по которым он когда-то уехал.

И причины, по которым не собирался возвращаться.

Мэйсон оглядел комнату.

— Отлично, мама. Начнём с тебя.

Он закатал рукава.

Уборка оказалась лучшим способом не думать.

Он снял простыни с мебели, открыл окна, собрал мусор.

Вынес пустые бутылки.

Вымыл кухню.

Протёр шкафы, полки, подоконники.

Снял старые занавески, от которых пахло табачным дымом.

В кладовке обнаружил несколько коробок с ненужными вещами и безжалостно отправил их к выходу.

Каждое движение помогало удерживать мысли в настоящем.

Грязная тряпка.

Ведро воды.

Моющее средство.

Пыль.

Работа.

Простые вещи, у которых есть начало и конец.

В отличие от воспоминаний.

К полуночи кухня блестела.

В гостиной стало легче дышать.

Мэйсон вымыл руки, налил стакан воды и прислонился к столешнице.

Он чувствовал приятную физическую усталость.

Но мысли всё равно возвращались.

Ник.

Он закрыл глаза.

Я десять лет бежал от тебя.

Пытался забыться в чужих объятиях.

Убеждал себя, что это была первая влюблённость, глупость, мальчишеская фантазия.

Он усмехнулся.

И вот сегодня ты просто посмотрел на меня.

И всё началось заново.

Мэйсон поставил стакан в раковину.

— Прекрати, Ричардсон.

Он выключил свет.

Поднялся в свою старую комнату.

Кровать стояла там же, у окна.

На стене остались следы от плакатов, которые он когда-то

сорвал перед отъездом.

Мэйсон достал из рюкзака чистую футболку, переоделся и лёг.

Матрас был неудобным.

В комнате пахло старым деревом.

За окном шуршал дождь.

Он повернулся на бок.

Я не должен был возвращаться.

Последней мыслью перед сном оказалась совсем другая.

Но как же я рад, что увидел тебя.

Ник

Когда Ник закончил работу, часы показывали почти девять вечера.

Он закрыл последнюю папку, выключил компьютер и несколько минут сидел в темноте кабинета.

Дело Эвелин Ричардсон не выходило у него из головы.

Как и её сын.

Ник взял ключи от мотоцикла, накинул куртку и вышел.

Ночной Кортни встретил его прохладным ветром.

Дождь почти закончился. Асфальт блестел в свете фонарей, а над крышами домов висел низкий туман.

Он завёл Harley-Davidson.

Глухой рокот двигателя привычно успокоил его.

Дом Ника находился в тихом районе, среди небольших частных домов с аккуратными газонами.

Одноэтажный, с деревянной верандой и гаражом сбоку.

Он купил его несколько лет назад.

Не слишком большой.

Но достаточно просторный для человека, который привык жить один.

Рис снимала квартиру в двух кварталах отсюда.

Они виделись часто.

Иногда она приходила без предупреждения, опустошала холодильник, жаловалась на работу и оставалась смотреть фильмы до глубокой ночи.

Ник привык к этому.

И, хотя никогда бы не признался вслух, любил её внезапные визиты.

Сегодня дома было тихо.

Он снял ботинки, повесил куртку и прошёл на кухню.

Поставил чайник.

Пока вода нагревалась, достал кружку, насыпал чай и прислонился к столешнице.

Перед глазами снова возник Мэйсон.

Его светлые кудри.

Зелёные глаза.

Усталое лицо.

И то, как он стоял в дверях кабинета, словно хотел сказать что-то ещё.

Ник медленно выдохнул.

— Ну и денёк.

Он залил чай кипятком и прошёл в гостиную.

Сел на диван.

За окном зашумел ветер.

На стене висела фотография, сделанная несколько лет назад.

Рис сидела на своём красном Ducati, широко улыбаясь в камеру.

Ник стоял рядом с Harley.

Они оба выглядели счастливыми.

Ник задержал взгляд на лице сестры.

Интересно, она уже знает, что Мэйсон вернулся?

Скорее всего, нет.

Иначе телефон давно разрывался бы от её звонков.

Он усмехнулся.

Рис всегда была такой.

Шумной.

Упрямой.

Бесконечно преданной тем, кого любила.

И именно она когда-то привела в их дом человека, которого Ник так и не сумел забыть.

Он отпил чай.

Взгляд остановился на тёмном окне.

И память сама вернула его в тот вечер.

Десять лет назад. Хэллоуин

Дом Томпсонов гудел от музыки и смеха.

Рис решила устроить вечеринку.

Причём слово «небольшую» в её понимании означало человек пятнадцать, половину из которых Ник никогда прежде не видел.

Гостиная была украшена бумажными летучими мышами, искусственной паутиной и оранжевыми гирляндами.

На столе стояли пластиковые тыквы с конфетами, миски с чипсами и несколько бутылок безалкогольного пунша.

Ник не собирался участвовать.

Он вообще планировал провести вечер в своей комнате.

Но Рис заявила, что если он не спустится хотя бы на час, она расскажет всем, как в детстве он боялся клоунов.

Ник спустился.

И пожалел об этом почти сразу.

— Ник! — закричала сестра. — Ты как раз вовремя!

— Для чего?

— Для игры!

— Нет.

— Ты даже не знаешь, какой!

— Поэтому и нет.

Рис схватила его за руку.

— Не будь занудой!

— Ты сегодня уже третий раз называешь меня занудой.

— Потому что ты упорно оправдываешь ожидания.

Ник хотел ответить, но увидел Мэйсона.

Тот стоял возле окна.

На нём были чёрные джинсы и белая рубашка с расстёг-

нутой верхней пуговицей. На шее висел небольшой серебряный кулон. Светлые волосы были слегка растрёпаны.

Он улыбался чему-то, что говорил один из гостей.

Ник почувствовал знакомое неприятное волнение.

Семнадцать.

Он мысленно произнёс возраст Мэйсона так, словно это могло привести его в чувство.

Рис тем временем уже объявляла правила.

— Итак! Игра называется «Угадай, кто перед тобой»!

Одному участнику завязывали глаза. Остальные по очереди подходили к нему, а он должен был узнать человека по прикосновениям к рукам, лицу или волосам.

— Это глупо, — заметил Ник.

— Никто не спрашивал твоего мнения, — парировала Рис.

Мэйсон рассмеялся.

— А мне нравится.

— Вот! — Рис победно указала на него. — Нормальный человек!

Ник покачал головой.

— Развлекайтесь.

Он направился на кухню.

Но спустя некоторое время, возвращаясь за забытой книгой, заметил, что в гостиной стало подозрительно тихо.

Музыка играла.

А людей почти не было.

Посреди комнаты стоял Мэйсон.

С чёрной повязкой на глазах.

— Рис? — позвал он.

Ник остановился в дверях.

Мэйсон вытянул руки перед собой.

— Эй! Я слышу, как вы там хихикаете!

Из коридора донёсся приглушённый смех.

Ник догадался, что произошло.

Рис со своими друзьями решили подшутить над Мэйсоном, оставив его одного с завязанными глазами.

Он уже собирался окликнуть сестру.

Но Мэйсон повернулся на звук шагов.

— Ага! Попался!

Он сделал шаг вперёд.

Ник не успел отступить.

Пальцы Мэйсона коснулись его груди.

Потом плеч.

Мэйсон осторожно провёл ладонями по рукавам, пытаясь определить, кто перед ним.

Ник замер.

— Так-так, — пробормотал Мэйсон. — Кто же это у нас?

Его пальцы поднялись к воротнику рубашки.

Коснулись шеи.

Ник задержал дыхание.

Мэйсон.

Он должен был что-то сказать.

Снять с него повязку.

Позвать Рис.

Но вместо этого просто стоял.

Мэйсон чуть наклонил голову.

— Ты молчишь? Значит, боишься, что я тебя узнаю?

Ник усмехнулся.

— Возможно.

Мэйсон замер.

— Ник?

— Угадал.

Мэйсон улыбнулся.

— Я тебя поймал.

Ник слегка наклонился к его уху.

— Это точно.

Он произнёс слова почти шёпотом.

И вдруг понял, насколько близко они стоят.

Мэйсон повернул голову на звук его голоса.

Теперь между их лицами оставалось совсем немного пространства.

Ник видел светлые пряди возле его виска.

Тонкую линию губ.

Чуть приоткрытый рот.

Он почувствовал, как сердце ударило сильнее.

Отойди.

Но Мэйсон не двигался.

Его ладони всё ещё лежали на груди Ника.

Он чуть подался вперёд, словно хотел лучше расслышать ответ.

Ник замер на одно короткое мгновение.

А затем сделал то, чего не должен был делать.

Он коснулся губ Мэйсона своими.

Очень легко.

Почти невесомо.

На долю секунды.

И тут же отстранился.

Мэйсон застыл.

Его руки медленно опустились.

Повязка всё ещё закрывала глаза.

Ник смотрел на него, не в силах произнести ни слова.

Он чувствовал, как стремительно бьётся сердце.

Как жар поднимается к лицу.

Как собственный поступок внезапно становится совершенно реальным.

Что ты наделал?

Мэйсон поднял руку и снял повязку.

Их взгляды встретились.

В зелёных глазах было удивление.

Растерянность.

И что-то ещё, от чего Нику стало только тяжелее.

— Ник... — тихо произнёс Мэйсон.

Ник отступил.

— Прости.

— Я...

— Не надо.

Он покачал головой.

— Это было неправильно.

Мэйсон смотрел на него.

— Почему?

Ник не нашёл ответа, который не причинил бы боль.

Потому что ты ещё школьник.

Потому что я старше.

Потому что мне слишком сильно хочется повторить это.

Потому что я обязан остановиться.

Он произнёс только:

— Прости, Мэйсон.

И вышел из комнаты.

В коридоре слышался смех гостей.

Рис громко звала кого-то на кухню.

Музыка продолжала играть.

Мир не изменился.

А Ник стоял возле лестницы, упершись ладонью в стену, и пытался восстановить дыхание.

Он только что поцеловал лучшего друга своей младшей сестры.

Семнадцатилетнего парня.

И самым страшным было не то, что он сделал.

А то, что ему хотелось вернуться.

Настоящее время

Ник поставил кружку на стол.

Чай давно остыл.

Он сидел неподвижно, глядя в темноту за окном.

Воспоминание было таким отчётливым, словно всё произошло вчера.

Мэйсон с повязкой на глазах.

Его руки.

Его растерянное лицо.

И собственный голос:

«Прости».

Ник медленно потёр переносицу.

Он помнил, как после того вечера несколько недель избегал оставаться с Мэйсоном наедине.

Как старался не смотреть на него слишком долго.

Как раздражался на самого себя, когда слышал его смех из комнаты Рис.

А потом Мэйсон уехал.

И всё закончилось.

По крайней мере, Ник так думал.

Он поднялся, подошёл к окну.

Над соседними домами висел туман.

Где-то в двух кварталах отсюда жила Рис.

А в другом конце города, в доме, полном тяжёлых воспоминаний, сейчас находился Мэйсон.

Взрослый.

Двадцативосьмилетний.

Вернувшийся спустя десять лет.

Ник прислонился лбом к прохладному стеклу.

Теперь всё иначе.

Но почему-то эта мысль не принесла облегчения.

Он закрыл глаза.

И снова увидел зелёные глаза Мэйсона.

— Чёрт тебя побери, Ричардсон, — прошептал Ник.

На губах появилась едва заметная улыбка.

— Что же ты со мной делаешь?

За окном снова начался дождь.

И Ник вдруг понял, что впервые за много лет ждёт наступления завтрашнего дня.

Потому что завтра он снова увидит Мэйсона.

Конец второй главы.

Глава 3. Те, кого не забывают

Настойчивый стук в дверь вырвал Мэйсона из сна.

Он недовольно поморщился, натянул одеяло на голову и попытался проигнорировать незваного гостя.

Стук повторился.

На этот раз громче.

— Да иду я, чёрт побери! — хрипло пробормотал он.

Мэйсон нащупал телефон на прикроватной тумбочке.

Восемь семнадцать.

Какого дьявола кому-то понадобилось являться сюда в та-

кую рань?

Он спустил ноги с кровати, потянулся и несколько секунд сидел неподвижно, пытаясь вспомнить, где находится.

Комната детства.

Старый шкаф.

Серые стены.

Дождь за окном.

Кортни.

Вчерашний день вернулся в память сразу, тяжёлым неприятным комом.

Морг.

Мать.

Полицейский участок.

Ник.

На последнем воспоминании Мэйсон невольно задержался.

Он провёл ладонью по лицу.

— Только не начинай.

В дверь снова постучали.

— Мэйсон Ричардсон! Я знаю, что ты там! Если не откроешь, я выбью эту чёртову дверь!

Мэйсон замер.

А затем рассмеялся.

— Господи...

Он вскочил с кровати, натянул спортивные штаны и, даже не потрудившись причесаться, сбежал по лестнице.

Открыл дверь.

На пороге стояла Рис Томпсон.

Рыжие волосы, выбритые с одной стороны, были собраны в небрежный хвост. На ней красовалась чёрная кожаная куртка, под которой виднелась футболка с изображением черепа. Из-под рукавов выглядывали разноцветные татуировки, покрывавшие её руки почти полностью. Серебряные кольца поблёскивали на пальцах, а маленькое украшение в носу сверкнуло в утреннем свете.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ты...

Мэйсон улыбнулся.

— Привет, рыжая.

— А-А-А! МЭЙСОН!

Она буквально бросилась ему на шею.

Мэйсон едва успел сделать шаг назад, чтобы удержать равновесие.

— Рис! Осторожнее!

— Заткнись!

Она крепко обняла его, прижимаясь щекой к его плечу.

— Господи, ты приехал! Ты действительно приехал! Я сейчас тебя убью!

— Очень логично.

— Я серьёзно!

— Заметно.

Она отстранилась, схватила его лицо обеими ладонями и принялась разглядывать.

— Ну-ка, дай посмотреть! Боже мой! Ты вообще не изменился!

Мэйсон приподнял бровь.

— Десять лет прошло, Рис.

— Ну ладно, стал чуть взрослее. И красивее, зараза! А волосы! Ты всё ещё носишь эти кудряшки!

Она запустила пальцы в его светлые волосы и растрепала их ещё сильнее.

— Рис!

— Что?

— Мне двадцать восемь, а не восемь.

— Для меня ты всегда будешь тем новеньким мальчишкой, который сидел один за партой и делал вид, что ему никто не нужен.

Мэйсон усмехнулся.

— А потом появилась ты и разрушила мою прекрасную изоляцию.

— Именно! И, между прочим, спасла твою скучную жизнь.

Она снова обняла его.

На этот раз крепко, но уже без прежней бурной радости.

Мэйсон почувствовал, как её ладони сжались у него на спине.

— Я скучала, придурок, — тихо произнесла она.

Улыбка медленно исчезла с его лица.

Он обнял её в ответ.

— Я тоже, Рис.

И вдруг понял, насколько сильно это было правдой.

— Так! — объявила Рис, проходя в дом. — Где кофе? Я не завтракала, не выспалась и вообще пожертвовала ради тебя своим единственным свободным утром!

— Ты всегда была образцом самоотверженности.

— Именно. Цени.

Она остановилась посреди гостиной.

Огляделась.

Улыбка постепенно исчезла.

— Чёрт...

Мэйсон закрыл дверь.

— Да.

Рис медленно прошла по комнате.

— Ты уже всё убрал?

— Почти.

— Когда успел?

— Вчера.

Она посмотрела на него.

— После дороги? После морга? После полиции?

— А что мне было делать?

Рис вздохнула.

— Ну, например, поспать.

— Скучное предложение.

— Ты неисправим.

Она провела пальцами по спинке дивана.

— Здесь всё почти как раньше.

— Кроме матери.

Рис замерла.

Мэйсон прошёл на кухню.

— Кофе будешь крепкий?

— Как моя любовь к тебе.

— То есть невыносимый?

— Очень смешно, Ричардсон.

Она последовала за ним.

Мэйсон поставил кофеварку, достал две кружки и открыл холодильник.

Пусто.

— Молока нет.

— Переживу.

— Сахара тоже.

— Мэйсон, я пью чёрный кофе уже лет пять.

Он обернулся.

— Серьёзно?

— Представляешь, люди меняются!

— Некоторые, судя по всему, не особенно.

Рис показала ему средний палец.

Мэйсон рассмеялся.

И на мгновение кухня словно снова стала той самой, где они когда-то сидели после школы, ели бутерброды и спорили

обо всём на свете.

Только тогда впереди была целая жизнь.

А теперь за плечами у каждого оказалось слишком много того, о чём не хотелось говорить.

Они устроились за кухонным столом.

Рис обхватила кружку ладонями.

Несколько минут она рассказывала о своей работе, о мотоцикле, который недавно пришлось ремонтировать, о соседке, постоянно жаловавшейся на шум, и о том, как однажды чуть не поссорилась с начальником из-за неправильно оформленного протокола.

Мэйсон слушал, улыбаясь.

Она почти не изменилась.

Всё та же невероятная энергия.

Тот же острый язык.

Та же привычка перескакивать с одной темы на другую, не заканчивая предыдущую.

— ...и представляешь, он мне говорит: «Мисс Томпсон, вы не можете просто так спорить с руководством!» А я ему отвечаю: «Тогда пусть руководство перестанет нести чушь!»

Мэйсон расхохотался.

— Рис, ты когда-нибудь научишься держать язык за зубами?

— Зачем? Он у меня прекрасно работает.

Она сделала глоток кофе.

И вдруг посерьёзнела.

— Мэйсон.

Он поднял глаза.

— Как ты?

— Нормально.

— Нет.

— Что нет?

— Не надо мне этого твоего «нормально».

Он отвёл взгляд.

Рис поставила кружку.

— Я знаю, что вы с матерью почти не общались. Но всё равно... Она была твоей матерью.

Мэйсон медленно провёл пальцем по краю чашки.

— Именно.

Некоторое время он молчал.

Потом посмотрел в окно.

— Знаешь, Рис, самое странное, что я даже не понимаю, что должен чувствовать.

Она не перебивала.

— Когда мне сообщили, что её убили, я сначала подумал, что это какая-то ошибка. Потом разозлился. Потом... ничего.

— Ничего?

— Пустота.

Он пожал плечами.

— Я почти десять лет здесь не жил. Мы редко общались. Иногда она звонила пьяная, просила денег. Иногда плакала

и говорила, что скучает. Иногда обвиняла меня в том, что я её бросил.

Рис сжала губы.

— Мэйсон...

— Я давно перестал понимать, какая из этих женщин была моей матерью.

Он усмехнулся без радости.

— Та, которая когда-то пекла мне блины? Или та, которая приводила домой очередного ублюдка и делала вид, что не замечает, что происходит?

Рис опустила глаза.

Она знала.

Не всё.

Но достаточно.

— Ты не обязан сейчас испытывать какие-то правильные чувства, — тихо сказала она.

Мэйсон посмотрел на неё.

— Я знаю.

Он сделал глоток кофе.

— Просто мне кажется, что эта история должна была закончиться иначе.

— Как?

Мэйсон задумался.

— Не знаю. Может быть, однажды она должна была позвонить трезвая. Сказать, что наконец выбралась из всего этого. Что начала новую жизнь.

Он покачал головой.

— Глупо, да?

— Нет.

Рис накрыла его руку своей.

— Совсем не глупо.

Мэйсон несколько секунд смотрел на её пальцы.

Потом осторожно сжал ладонь подруги.

— Спасибо, рыжая.

— Всегда пожалуйста, кудряш.

Она улыбнулась.

И, словно почувствовав, что разговор стал слишком тяжёлым, резко сменила тему.

— Так! А теперь рассказывай! Где ты был все эти годы? Чем занимался? Ты же знаешь, я получала от тебя сообщения раз в сто лет!

Мэйсон приподнял бровь.

— Неправда.

— Правда!

— Мы созванивались.

— Раз в месяц! Иногда!

— Ты преувеличиваешь.

— Я драматизирую. Это другое.

Он рассмеялся.

— Ладно. После первого курса я перевёлся в Ванкувер.

— Это я помню.

— Закончил программу по криминалистике. Работал с ве-

щественными доказательствами, проходил дополнительную подготовку. Последние несколько лет занимался лабораторной обработкой материалов, документацией, иногда участвовал в работе на местах происшествий.

Рис оживилась.

— То есть ты всё-таки пошёл в криминалистику!

— А ты сомневалась?

— Я думала, ты однажды станешь каким-нибудь мрачным профессором и будешь мучить студентов.

— Это тоже неплохой вариант.

— Нет уж. Тебе больше подходит копаться в чужих тайнах.

Мэйсон усмехнулся.

— Забавно слышать это от тебя.

— Между прочим, я теперь работаю в криминалистической идентификации.

— Знаю.

— И прекрасно фотографирую места преступлений!

— В этом я никогда не сомневался.

Рис довольно откинулась на спинку стула.

— Вот видишь. Мы с тобой всё-таки сделали то, что хотели.

Мэйсон посмотрел на неё.

Когда-то они действительно сидели за одной партой и мечтали о работе, которая казалась им невероятно интересной.

Теперь эта работа стала реальностью.

Только мечты не предусматривали всего остального.

— Ты надолго приехал? — спросила Рис.

Мэйсон пожал плечами.

— Пока не знаю. Разберусь с похоронами, с домом...

— И уедешь?

— Возможно.

Рис резко поставила кружку.

— Нет.

Он моргнул.

— Что?

— Я сказала — нет.

— Рис, ты не можешь просто запрещать мне уезжать.

— Ещё как могу.

— На каком основании?

— На основании десятилетней дружбы и моего безупречного характера.

Мэйсон рассмеялся.

— Особенно второго.

Она наклонилась к нему.

— Послушай. Зачем тебе возвращаться в Ванкувер? Ты сам сказал, что работаешь с вещдоками. У нас тоже есть криминалистические подразделения. Я поговорю с Ником.

При упоминании этого имени Мэйсон едва заметно напрыгся.

Рис не обратила внимания.

— Он поможет узнать, есть ли вакансии. Ты можешь остаться здесь. У тебя есть дом. Не нужно искать жильё, платить бешеную аренду.

— Рис...

— И мы снова будем рядом! Представляешь? Как раньше! Мэйсон опустил взгляд в кружку.

Как раньше.

Он не был уверен, что хочет возвращения прошлого.

По крайней мере, не всего.

— Я вчера был в участке, — произнёс он.

Рис широко улыбнулась.

— Конечно, знаю!

Мэйсон поднял глаза.

— Откуда?

— Ник рассказал.

Сердце неприятно дёрнулось.

— Когда?

— Вчера вечером. Позвонил, сказал, что ты приехал.

— Вот как.

— Я чуть телефон не выронила! Сначала хотела сразу к тебе ехать, но он сказал, что ты устал с дороги и тебе лучше отдохнуть.

Мэйсон замер.

Он сказал, что я устал.

Почему-то эта простая фраза согрела сильнее горячего кофе.

Рис продолжала что-то рассказывать, но он уже почти не слушал.

Перед глазами возник Ник.

Его спокойный взгляд.

И вопрос:

«Ты, наверное, устал с дороги?»

Мэйсон опустил голову, скрывая невольную улыбку.

— Ты вообще меня слушаешь? — возмутилась Рис.

— Конечно.

— Что я сказала?

— Что ты самая прекрасная женщина на свете.

— Лстец.

— Зато работает.

Рис рассмеялась.

И в этот момент раздался стук в дверь.

— Я открою! — объявила Рис.

Она вскочила так быстро, что едва не опрокинула стул.

Мэйсон проводил её взглядом.

Из прихожей послышался щелчок замка.

— О! А ты что здесь делаешь?

Мэйсон замер.

Он узнал голос раньше, чем услышал ответ.

— Вообще-то я мог бы спросить тебя о том же.

Ник.

Рис рассмеялась.

— Как что? Пришла повидать своего лучшего друга!

— В восемь утра?

— Уже почти девять, зануда!

— Для тебя это всё равно слишком рано.

— Очень смешно.

Послышались шаги.

Мэйсон поднялся из-за стола.

И увидел Ника.

Тот вошёл на кухню в тёмных джинсах, чёрной футболке и расстёгнутой кожаной куртке. Волосы были собраны в привычный пучок. На запястье поблёскивали часы.

Ник остановился в дверях.

Их взгляды встретились.

Мэйсон почувствовал, как на мгновение перехватило дыхание.

Господи.

Вчера ему казалось, что за ночь он сумеет взять себя в руки.

Что случайная встреча просто всколыхнула старые воспоминания.

Что сегодня он будет спокойнее.

Но Ник стоял перед ним.

Живой.

Настоящий.

С чуть растрёпанными волосами и этой своей едва заметной улыбкой.

И всё внутри снова пришло в движение.

— Доброе утро, Мэйсон, — произнёс Ник.

— Привет.

Мэйсон вдруг понял, что стоит посреди кухни с растрёпанными волосами, в старой футболке и домашних штанах.

Прекрасно.

Ник оглядел его.

— Разбудили?

— Не совсем.

Рис фыркнула.

— Врёт. Он открыл мне дверь с таким лицом, словно собирался убить.

— Не преувеличивай, — пробормотал Мэйсон.

— Я вообще никогда не преувеличиваю!

Ник усмехнулся.

— Конечно.

Он достал из внутреннего кармана папку.

— Я привёз документы. Разрешение на выдачу тела оформлено. Похоронное бюро сможет заняться кремацией после завершения формальностей.

Мэйсон подошёл ближе.

— Спасибо.

Он взял папку.

И на мгновение их пальцы соприкоснулись.

Мэйсон едва заметно вздрогнул.

Ник посмотрел на него.

Всего секунду.

Но этого оказалось достаточно, чтобы Мэйсон почувствовал себя так, словно кто-то прочитал его мысли.

Он быстро опустил глаза.

— Будешь кофе?

Ник помедлил.

— Если не помешаю.

— Конечно нет.

— Тогда буду.

Рис довольно улыбнулась.

— Отлично! Семейное воссоединение!

Ник посмотрел на неё.

— Рис, мы не семья.

— Ну, почти!

Мэйсон отвернулся к кофеварке.

И почему-то почувствовал, как у него запылали уши.

Ник сел за стол.

Рис немедленно начала рассказывать ему о том, как обнаружила, что Мэйсон вчера ночью убрал почти весь дом.

— Представляешь? Он приехал, сходил в морг, в участок, а потом всю ночь драил полы!

— Не всю ночь, — возразил Мэйсон.

— Ты понимаешь, Ник? Вместо того чтобы отдыхать!

Ник посмотрел на него.

— Похоже, ты действительно не умеешь сидеть без дела.

Мэйсон пожал плечами.

— Работа помогает думать.

— Или не думать, — негромко заметил Ник.

Мэйсон поднял глаза.

Их взгляды встретились.

На мгновение кухня словно стала тише.

Ник смотрел спокойно.

Без осуждения.

Но так внимательно, что Мэйсону захотелось отвернуться.

Он всё ещё умеет это делать.

Видеть больше, чем ему показывают.

— Иногда это одно и то же, — ответил Мэйсон.

Ник слегка кивнул.

— Возможно.

Рис громко вздохнула.

— Господи, вы оба! Как будто на философском семинаре!

Она повернулась к брату.

— Ник, ты вообще знаешь, что Мэйсон закончил криминалистику и несколько лет работал с вещдоками?

— Теперь знаю.

— Так вот! Я предложила ему остаться здесь!

Ник медленно повернул голову.

— Остаться?

Мэйсон поставил перед ним кружку кофе.

— Рис считает, что мне стоит задержаться.

— Не задержаться! — возмутилась она. — Остаться на-
совсем!

Мэйсон улыбнулся.

— Как видишь, решение уже принято без моего участия.

Ник усмехнулся.

— На Рис похоже.

— Эй!

Мэйсон протянул ему сахарницу.

Ник взял её.

И снова их пальцы соприкоснулись.

Совсем легко.

На долю секунды.

Но по руке Мэйсона словно пробежал электрический разряд.

От кончиков пальцев до самого плеча.

Он почувствовал, как по спине рассыпались мурашки.

Чёрт.

Он поспешно убрал руку.

Ник заметил.

Его взгляд на мгновение опустился к пальцам Мэйсона.

Потом снова поднялся к лицу.

И в светлых глазах мелькнуло что-то, от чего Мэйсону стало ещё труднее дышать.

Рис продолжала говорить.

— Так вот, Ник! Я подумала, что ты мог бы помочь ему устроиться к нам. Он же специалист! И потом, он сможет сам расследовать смерть матери!

Улыбка исчезла с лица Ника.

Он поставил кружку на стол.

— Нет.

Рис моргнула.

— Что значит нет?

Ник посмотрел на сестру.

— Мэйсон не должен участвовать в расследовании убийства собственной матери.

— Почему?

— Потому что это конфликт интересов.

Его голос стал спокойным, почти холодным.

Профессиональным.

— Он близкий родственник погибшей. Его личная заинтересованность очевидна. Мы не можем допустить, чтобы он работал с материалами этого дела.

Рис нахмурилась.

— Но он же хочет узнать, кто её убил!

— И узнает, когда у нас появятся подтверждённые результаты, которыми мы сможем поделиться.

Мэйсон молча наблюдал за Ником.

В этом тоне не было ничего личного.

Только уверенность человека, который привык принимать решения и отвечать за них.

И почему-то именно это снова напомнило ему того двадцатидвухлетнего Ника, который когда-то спокойно сказал: «Я не предлагаю тебе ехать домой».

Рис скрестила руки.

— Ладно. Но с работой-то ты можешь помочь?

Ник перевёл взгляд на Мэйсона.

— Ты действительно рассматриваешь такую возможность?

Мэйсон не сразу ответил.

Он смотрел на Ника.

На его лицо.

На спокойные светлые глаза.

На пальцы, обхватившие кружку.

Если я останусь, я буду видеть тебя.

Эта мысль возникла сама собой.

И оказалась пугающе приятной.

— Возможно, — ответил он. — Если найдётся подходящая должность.

Ник кивнул.

— Я могу поговорить с руководителем подразделения и узнать, есть ли вакансии для гражданских специалистов. Но тебе всё равно придётся проходить обычный отбор.

— Разумеется.

— Твой опыт может пригодиться.

Мэйсон чуть улыбнулся.

— Надеюсь.

Рис радостно хлопнула ладонями по столу.

— Вот и отлично!

Ник посмотрел на неё с подозрением.

— Что ты задумала?

— Поехали в участок!

— Рис...

— Ну а что? Ты всё равно туда собираешься. Мэйсон свободен. Я тоже. Поедем вместе, поговорим с начальством, узнаем насчёт вакансий!

Ник медленно выдохнул.

— Ты понимаешь, что подобные вопросы не решаются за пять минут?

— Конечно!

— Тогда почему ты предлагаешь решить их за пять минут?

— Потому что надо с чего-то начинать!

Мэйсон не выдержал и рассмеялся.

Ник посмотрел на него.

И тоже улыбнулся.

Совсем немного.

Но этого хватило, чтобы Мэйсон почувствовал знакомое тепло в груди.

— Ладно, — сказал Ник. — Можем заехать. Я хотя бы узнаю, с кем ему стоит поговорить.

— Ура! — воскликнула Рис.

Она вскочила.

— Всё! Собираемся!

Мэйсон посмотрел на неё.

— Ты вообще когда-нибудь устаёшь?

— Только когда сплю!

Ник покачал головой.

— И то не всегда.

Через двадцать минут они вышли из дома.

Дождь закончился, но воздух оставался влажным. Над деревьями висел лёгкий туман, а мокрая трава блестела в рассеянном утреннем свете.

Возле дома стоял тёмный внедорожник Ника.

Мэйсон остановился рядом.

— А где твой Harley?

Ник повернулся.

— В гараже.

— Ты всё ещё на нём ездешь?

— Конечно.

Мэйсон улыбнулся.

— Я почему-то так и думал.

Ник посмотрел на него чуть дольше обычного.

— Помнишь его?

Мэйсон почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

Помню?

Он помнил каждую поездку.

Звук двигателя.

Холодный ветер.

Тепло Ника перед собой.

И тот вечер, когда впервые понял, что хочет остаться рядом с ним навсегда.

— Немного, — ответил Мэйсон.

Ник едва заметно улыбнулся.

— Он почти не изменился.

В отличие от нас.

Мэйсон отвёл взгляд.

Рис тем временем уже открыла заднюю дверь.

— Так! Мальчики, хватит любоваться друг другом! Поехали!

Мэйсон едва не поперхнулся воздухом.

— Рис!

— Что?

— Ничего.

Она хитро прищурилась.

— Вот именно.

Ник открыл водительскую дверь.

— Садись, Мэйсон.

Тот обошёл машину и устроился на переднем пассажирском сиденье.

Рис расположилась сзади.

— Ну что, поехали спасать твою карьеру!

— Она пока не нуждается в спасении, — заметил Мэйсон.

— Это ты так думаешь!

Ник завёл двигатель.

Машина плавно тронулась.

Кортни просыпался.

По улицам спешили люди с бумажными стаканчиками ко-

фе. Возле пекарни выстроилась небольшая очередь. На перекрёстке школьный автобус пропускал пешеходов.

Рис говорила без остановки.

— ...а потом представляешь, я купила Ducati! Красную! Ты бы видел, какая она красавица!

— Я видел фотографии, — напомнил Мэйсон.

— Фотографии — это не то! Ты должен прокатиться!

Ник усмехнулся.

— Если хочешь остаться живым, лучше не соглашайся.

— Ник!

— Что?

— Я прекрасно вожу!

— Особенно когда забываешь, что существуют ограничения скорости.

— Это клевета!

Мэйсон рассмеялся.

Он слушал их привычную перепалку и чувствовал странное, почти забытое ощущение.

Словно снова оказался частью чего-то простого.

Обычного.

Того, чего ему всегда не хватало.

Рис продолжала рассказывать о работе, о коллегах, о новом знакомом враче, с которым недавно подружилась, о том, как они однажды вместе отправились в горы и попали под такой ливень, что пришлось сушить обувь два дня.

Мэйсон отвечал ей время от времени.

Но всё чаще ловил себя на том, что смотрит на Ника.

Тот вёл машину спокойно, уверенно.

Левая рука лежала на руле.

Правая иногда переключала передачи.

Из-под закатанного рукава виднелись татуировки.

Мэйсон невольно задержал взгляд на его предплечье.

Раньше их было меньше.

Он медленно поднял глаза.

Линия скул.

Прямой нос.

Тёмная борода.

Несколько прядей волос, выбившихся из пучка.

И глаза.

Светлые, серо-голубые.

Мэйсон всегда любил этот цвет.

В пасмурную погоду глаза Ника казались почти стальными.

На солнце становились светлее.

Иногда в них появлялся холодный оттенок, когда Ник был сосредоточен или раздражён.

А когда он улыбался...

Мэйсон сглотнул.

Чёрт.

Он прикусил нижнюю губу.

И продолжал смотреть.

Ник заметил это боковым зрением.

Сначала просто почувствовал взгляд.

Потом слегка повернул голову.

Мэйсон не успел отвернуться.

Их глаза встретились.

Всего на секунду.

Ник снова посмотрел на дорогу.

Но уголок его губ едва заметно дрогнул.

Мэйсон почувствовал, как к лицу приливает жар.

Прекрасно. Просто прекрасно.

Он поспешно отвернулся к окну.

Ник крепче сжал руль.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы вернуть мыслям привычный порядок.

Он видел, как Мэйсон смотрел на него.

Не случайно.

Не рассеянно.

Слишком внимательно.

И это заставило сердце биться быстрее.

Не придумывай, Томпсон.

Мэйсон просто вернулся.

Они не виделись десять лет.

Естественно, он разглядывает старого знакомого.

Но Ник слишком хорошо помнил другой взгляд.

Взгляд семнадцатилетнего парня, который сидел рядом с ним в гараже и следил за каждым движением его рук.

«Мне нравится смотреть, как ты работаешь».

Ник невольно улыбнулся.

— Что? — немедленно спросила Рис с заднего сиденья.

— Ничего.

— Ты улыбаешься.

— Мне теперь запрещено улыбаться?

— Нет, просто это подозрительно.

Мэйсон тихо рассмеялся.

Ник бросил на него короткий взгляд.

— Видишь, с чем мне приходится жить?

— Двадцать восемь лет терпишь, — сочувственно ответил

Мэйсон.

— И это ещё не предел.

— Эй! — возмутилась Рис. — Я вообще-то здесь!

— Мы заметили, — одновременно ответили мужчины.

На секунду в машине повисла тишина.

А потом все трое рассмеялись.

Рис довольно откинулась на сиденье.

— Вот! Теперь другое дело! Как в старые времена!

Мэйсон посмотрел в окно.

За стеклом мелькали мокрые деревья.

Как в старые времена.

Он медленно повернул голову.

Ник смотрел на дорогу.

Спокойный.

Сосредоточенный.

Красивый до невозможности.

И Мэйсон вдруг понял, что Рис ошибается.

Ничего уже не будет как раньше.

Потому что десять лет назад он был мальчишкой, который не знал, что делать со своими чувствами.

А теперь стал взрослым мужчиной.

И больше не хотел всю жизнь убегать от того, что чувствует.

Ник в этот момент снова бросил на него короткий взгляд. Мэйсон не отвернулся.

Их глаза встретились.

На этот раз чуть дольше.

Ник первым посмотрел на дорогу.

Но Мэйсон успел заметить, как напряглась его челюсть.

И как пальцы чуть крепче сжали руль.

Значит, не только я.

Эта мысль появилась неожиданно.

И заставила сердце забиться ещё быстрее.

Впереди показалось здание полицейского подразделения.

Ник включил поворотник.

— Приехали.

Рис радостно подалась вперёд между сиденьями.

— Ну что, Ричардсон! Готов начать новую жизнь?

Мэйсон посмотрел на здание.

Потом на Ника.

И едва заметно улыбнулся.

— Похоже, у меня нет выбора.

Ник заглушил двигатель.

— Выбор есть всегда, Мэйсон.

Тот повернул голову.

Ник смотрел прямо на него.

Спокойно.

Серьёзно.

И в этих простых словах почему-то прозвучало гораздо больше, чем обычное замечание.

Мэйсон задержал взгляд.

— Да, — тихо ответил он. — Наверное, ты прав.

Рис распахнула дверь.

— Ну всё! Хватит философствовать! Пошли!

Она выбралась из машины.

Ник и Мэйсон остались сидеть ещё несколько секунд.

В тишине.

Потом Ник потянулся к дверной ручке.

— Идём?

Мэйсон кивнул.

— Идём.

Он вышел из машины и вдохнул прохладный воздух.

Впереди его ждала неизвестность.

Новая работа.

Расследование смерти матери.

Город, из которого он когда-то сбежал.

И мужчина, которого так и не сумел забыть.

Мэйсон посмотрел на Ника, обходившего машину.
Десять лет я пытался убедить себя, что всё прошло.

Ник поднял глаза.

И улыбнулся ему.

А оказалось, достаточно одного твоего взгляда.

Мэйсон улыбнулся в ответ.

И впервые с момента приезда почувствовал не только тяжесть прошлого.

Но и странное, пугающее предвкушение.

Будто впереди начиналось что-то, к чему он шёл все эти годы.

И от чего уже не собирался убегать.

Конец третьей главы.

Глава 4. Запах мандаринов

Утро в Кортни выдалось непривычно солнечным.

После нескольких дней дождя город словно решил ненадолго сбросить с себя серую пелену. Сквозь облака пробивались бледные лучи, отражаясь в мокрых витринах магазинов и лужах на асфальте.

Мэйсон Ричардсон вошёл в полицейский участок без пяти девять.

На нём были тёмные брюки, чёрная водолазка и лёгкая куртка. Светлые волосы, как всегда, слегка вились возле ушей, а большой рюкзак теперь заменяла аккуратная сумка через плечо.

Он остановился у стойки, поздоровался с дежурной и направился по коридору.

За последние дни произошло многое.

Он оформил документы, договорился о кремации матери и подал заявление на временную работу криминалистическим специалистом. Ник и Рис помогли ему связаться с руководством, но не могли ни назначить его, ни предоставить допуск: проверку квалификации, оформление договора и распределение задач проводили уполномоченные сотрудники.

До завершения проверки и инструктажа Мэйсону поручали только ознакомительные задания на обезличенных материалах. Позднее его допустили к определённым лабораторным задачам под контролем руководителя, но не к делам, где он сам, Ник или Рис были лично заинтересованы.

Мэйсон прошёл мимо нескольких кабинетов.

У пятого дверь была приоткрыта.

Он замедлил шаг.

Ник сидел за столом.

Склонив голову, внимательно изучал какие-то документы. В одной руке держал ручку, другой медленно перелистывал страницы.

На нём была тёмно-синяя рубашка с закатанными рукавами.

Татуировки на предплечьях казались особенно выразительными на фоне светлой бумаги.

Мэйсон остановился.

Опять.

Он невольно улыбнулся.

Ник по-прежнему работал так же, как десять лет назад.

Сосредоточенно.

Неторопливо.

С той удивительной способностью полностью погружаться в то, что делал.

Мэйсон несколько секунд наблюдал за ним.

За тем, как Ник чуть хмурит брови.

Как прикусывает нижнюю губу, обдумывая что-то.

Как длинные пальцы переворачивают страницу.

Ты хоть представляешь, что делаешь со мной?

Ник поднял голову.

Их взгляды встретились.

— Мэйсон?

Тот слегка вздрогнул, словно его застали за чем-то неприличным.

— Привет.

Ник улыбнулся.

— Давно стоишь?

— Только подошёл.

— Конечно.

В его голосе прозвучала едва уловимая насмешка.

Мэйсон почувствовал, как потеплели щёки.

Он постучал костяшками пальцев по двери.

— Можно?

— Заходи.

Кабинет Ника был небольшим, но удивительно аккуратным.

На столе лежали папки, компьютер, блокнот и кружка с недопитым кофе. На стене висела карта острова Ванкувер с несколькими отметками.

Мэйсон сел напротив.

Ник отложил ручку.

— Ну как? Всё готово с кремацией?

Мэйсон кивнул.

— Да. Вчера позвонили из похоронного бюро. Сегодня могу забрать урну.

— Ты уже решил, что будешь делать с прахом?

— Пока нет.

Он посмотрел на свои руки.

— Думаю, оставлю дома. Потом разберусь.

Ник несколько секунд молчал.

— Хочешь, я поеду с тобой?

Мэйсон поднял глаза.

— Что?

— За урной. Могу отвезти тебя. Если хочешь.

Он произнёс это совершенно спокойно.

Без жалости.

Без неловкости.

Просто предложил.

И Мэйсон почувствовал, как внутри что-то сжалось.

Ты опять это делаешь.

Забодишься так, словно это самая естественная вещь на свете.

Он хотел ответить, что справится сам.

Что не нуждается в сопровождении.

Что давно привык решать свои проблемы самостоятельно.

Но почему-то не смог.

Потому что на самом деле хотел, чтобы Ник поехал.

Хотел провести с ним ещё немного времени.

Хотел просто сидеть рядом.

Слышать его голос.

Чувствовать его присутствие.

— Да, — тихо ответил Мэйсон. — Я был бы благодарен.

Ник слегка улыбнулся.

— Тогда поехали. У меня есть немного времени до следующего совещания.

В машине было тепло.

Тихо играла музыка, а за окном проплывали улицы Кортни.

Мэйсон сидел на пассажирском сиденье, глядя на мокрые деревья.

Ник вёл машину.

Несколько минут они молчали.

Но эта тишина не была неловкой.

Мэйсон поймал себя на том, что снова испытывает то са-

мое ощущение, которое когда-то возникло в маленьком домике в горах.

Рядом с Ником можно было молчать.

Не придумывать темы для разговора.

Не пытаться казаться интересным.

Просто быть.

Он повернул голову.

Ник смотрел на дорогу.

Светлые глаза были сосредоточены, длинные пальцы спокойно лежали на руле.

Мэйсон улыбнулся.

— Ник?

— М?

— А как прошли твои десять лет?

Ник слегка повернул голову.

— В каком смысле?

— Ну... Чем занимался? Как жил? Что изменилось?

— Работал.

Мэйсон рассмеялся.

— Очень содержательно.

— Ты же знаешь, я не люблю длинные рассказы.

— Зато я люблю.

Ник усмехнулся.

— Заметил.

Мэйсон помолчал.

Потом, стараясь придать голосу непринуждённость, спро-

сил:

— Ты женат?

Ник едва заметно улыбнулся.

Только уголком губ.

— Нет.

Мэйсон почувствовал, как внутри что-то радостно дрогнуло.

Нет.

Он попытался не показать этого.

— Почему?

Ник не ответил сразу.

Машина остановилась перед светофором.

Он смотрел вперёд.

Потом тихо произнёс:

— Потому что человек, который был мне дорог, уехал из этого города.

Мэйсон замер.

— И?..

— И после этого я не захотел строить с кем-то серьёзные отношения.

Сердце Мэйсона забилось быстрее.

Он смотрел на Ника.

Человек, который был тебе дорог.

Уехал из города.

Десять лет назад.

В голове стремительно складывались догадки.

Это я?

Ты говоришь обо мне?

Но тут же возникало сомнение.

Ведь Ник никогда не говорил ему о своих чувствах.

Никогда не обещал ждать.

И после того рождественского вечера вообще начал отда-
ляться.

Возможно, у него была другая история.

Другая любовь.

Другой человек.

Мэйсон осторожно спросил:

— А кто это был?

Ник повернул голову.

И посмотрел ему прямо в глаза.

Несколько секунд они молчали.

Потом Ник негромко произнёс:

— Не стоит продолжать эту тему, Мэйсон.

В его голосе не было грубости.

Но прозвучала такая твёрдость, что Мэйсон понял: даль-
ше спрашивать бессмысленно.

Он отвернулся к окну.

— Хорошо.

Светофор переключился.

Машина тронулась.

А Мэйсон продолжал думать.

Не стоит продолжать.

Почему?

Потому что это действительно был он?

Или потому что Ник не хотел рассказывать о другом человеке?

Мэйсон прикусил губу.

Неопределённость оказалась мучительнее любого ответа.

В похоронном бюро было тихо.

Женщина в строгом тёмном костюме проводила их в небольшую комнату.

На столе стояла урна.

Матовая, тёмно-серая, с простой металлической табличкой.

Evelyn Richardson.

Мэйсон остановился перед ней.

Вот и всё.

Целая человеческая жизнь.

Скандалы.

Любовники.

Пьяные ночи.

Слёзы.

Обещания.

Предательства.

И теперь всё, что от неё осталось, помещалось в небольшой сосуд.

Мэйсон медленно протянул руку.

Коснулся холодной поверхности.

Мама.

Он не знал, что сказать.

Не знал, должен ли плакать.

Или злиться.

Или чувствовать облегчение.

Он просто стоял и смотрел на её имя.

Ник находился немного позади.

Не вмешивался.

Не торопил.

Когда сотрудница вышла, оставив их на несколько минут одних, он осторожно подошёл ближе.

Положил ладонь Мэйсону на плечо.

Наклонился к его уху.

— Прими мои соболезнования, Мэйсон.

Но Мэйсон почти не слышал слов.

Он почувствовал другое.

Тёплое дыхание возле виска.

Близость Ника.

И запах.

Тот самый.

Цитрусовый, пряный, чуть терпкий.

Мандарины.

Бергамот.

И корица.

Мэйсон закрыл глаза.

Господи.

Десять лет.

А он помнил этот запах.

Помнил, как вдыхал его, сидя за спиной Ника на мотоцикле.

Как чувствовал его в маленьком домике возле камина.

Как однажды стоял рядом с Ником в рождественскую ночь и думал, что никогда не забудет этот аромат.

По коже пробежали мурашки.

Он медленно выдохнул.

Ник убрал руку.

— Ты готов?

Мэйсон открыл глаза.

Посмотрел на урну.

— Да.

Он осторожно взял её обеими руками.

— Поехали.

Обратная дорога проходила в молчании.

Мэйсон держал урну на коленях.

За окном мелькали деревья, мокрые крыши домов и редкие прохожие.

Ник не включал музыку.

Он словно понимал, что сейчас Мэйсону не нужны разговоры.

Но мысли того были далеко от урны.

Далеко от похорон.

Они возвращались к запаху мандаринов.

К теплу чужих рук.

К одному Рождеству, которое Мэйсон помнил слишком хорошо.

Десять лет назад. Рождество

Дом Томпсонов сиял огнями.

На крыльце висели еловые гирлянды. В окнах мерцали свечи, а возле входной двери стоял большой венок с красными лентами.

Внутри пахло выпечкой, хвоей и корицей.

Мэйсон остановился на пороге, держа в руках небольшой бумажный пакет с подарками.

— Ну наконец-то! — воскликнула Рис, распахнув дверь.

— Я уже думала, ты передумал!

Она схватила его за рукав и втащила в дом.

— Раздевайся! Мама испекла пирог, папа уже третий раз спрашивает, когда ты придёшь, а Ник...

Она осеклась.

Мэйсон поднял глаза.

— А Ник что?

Рис хитро улыбнулась.

— Ничего.

— Рис.

— Ничего, говорю!

Она рассмеялась и убежала на кухню.

Мэйсон снял куртку.

Он был счастлив.

По-настоящему.

Сегодня мать работала в ночную смену.

Отчим ушёл пить с приятелями и даже не поинтересовался, где пасынок собирается провести праздник.

Впервые за долгое время Мэйсону не нужно было бояться возвращаться домой.

Не нужно было прислушиваться к звукам за стеной.

Не нужно было ждать, когда очередной скандал испортит вечер.

Сегодня он был здесь.

В доме, где люди разговаривали друг с другом без крика.

Где смеялись.

Где пахло едой, а не алкоголем.

Где его ждали.

— Мэйсон!

Из кухни вышла мать Рис.

Элизабет Томпсон была невысокой женщиной с мягкими чертами лица и внимательными глазами.

Она работала психологом.

И, кажется, умела замечать чужую боль даже тогда, когда человек старательно её скрывал.

— С Рождеством, дорогой!

Она обняла его.

Мэйсон сначала напрягся.

Потом осторожно обнял её в ответ.

— С Рождеством, миссис Томпсон.

— Сколько раз я просила называть меня Элизабет?

— Простите.

Она улыбнулась.

— Вот опять.

Из гостиной раздался низкий мужской голос:

— Элизабет, оставь парня в покое. Он только вошёл!

На пороге появился отец Рис и Ника.

Роберт Томпсон.

Высокий, широкоплечий мужчина с коротко подстриженными седыми волосами и прямой военной выправкой.

Он много лет служил в канадских вооружённых силах, занимался военной разведкой, а после выхода в отставку редко рассказывал о своей работе.

Мэйсон всегда немного робел рядом с ним.

Но Роберт никогда не давал для этого повода.

— Ну что, молодой человек, — произнёс он, протягивая руку. — Рад тебя видеть.

— Спасибо, сэр.

Роберт рассмеялся.

— Только не называй меня сэром. Я уже на пенсии.

— Хорошо, сэр.

— Ник! — громко позвал Роберт. — Забери у него эти военные привычки!

Из гостиной появился Ник.

На нём был тёмно-зелёный свитер и чёрные брюки. Волосы были собраны сзади.

Мэйсон почувствовал, как сердце предательски ускори-лось.

Ник посмотрел на него.

— Привет.

— Привет.

Несколько секунд они просто стояли друг напротив друга.

Потом Ник улыбнулся.

— С Рождеством, Мэйсон.

— И тебя.

Мэйсон вдруг понял, что ему совершенно не хочется смотреть куда-либо ещё.

За ужином было шумно.

Рис рассказывала какую-то невероятную историю из кол-леджа, Роберт подшучивал над ней, Элизабет пыталась за-ставить всех попробовать новый десерт.

Ник сидел рядом с Мэйсоном.

Они время от времени переглядывались.

Мэйсон почти не участвовал в разговоре.

Он просто слушал.

И наслаждался.

Ему нравилось, как Роберт смотрел на жену.

Как Элизабет незаметно подкладывала мужу любимые ку-сочки.

Как Рис могла спорить с отцом, совершенно не боясь его реакции.

Здесь никто не повышал голос, чтобы унижить.

Никто не бросал тарелки.

Никто не проверял, кто сильнее.

Вот какой бывает семья.

Эта мысль была одновременно прекрасной и болезненной.

Под столом Мэйсон немного изменил положение ног.

И случайно коснулся коленом ноги Ника.

Он тут же хотел отодвинуться.

Но Ник не пошевелился.

Через несколько секунд его колено едва заметно коснулось колена Мэйсона в ответ.

Мэйсон замер.

Поднял глаза.

Ник продолжал слушать отца.

Лицо оставалось совершенно спокойным.

Но уголок губ слегка дрогнул.

Мэйсон почувствовал, как жар поднимается к щекам.

Он это сделал специально?

Он не знал.

И именно это сводило с ума.

Позже Элизабет и Рис ушли на кухню мыть посуду.

Роберт вышел на крыльцо покурить.

В гостиной остались только Ник и Мэйсон.

В камине потрескивали поленья.

На ёлке мерцали гирлянды.

Ник сидел на диване и чистил мандарин.

Мэйсон устроился рядом.

Он наблюдал за его руками.

За длинными пальцами, которые медленно отделяли кожуру.

За тем, как Ник аккуратно снимал белые волокна.

За каждым движением.

— Ты опять смотришь, — заметил Ник.

Мэйсон вздрогнул.

— Что?

— На мои руки.

Он почувствовал, как покраснел.

— Просто задумался.

Ник усмехнулся.

— Конечно.

Он разделил мандарин на дольки.

Протянул половину Мэйсону.

— Держи.

Мэйсон взял.

— Спасибо.

Он положил дольку в рот.

Сладкий сок растёкся по языку.

В комнате пахло цитрусами, корицей и хвоей.

Мэйсон смотрел на огонь.

— У вас здорово, — тихо произнёс он.

Ник повернул голову.

— Что?

— Дома.

Он помолчал.

— У вас очень хорошая семья.

Ник несколько секунд смотрел на него.

— Спасибо.

— Я серьёзно.

— Я знаю.

Мэйсон опустил глаза.

— Иногда мне кажется, что я вообще не понимаю, как люди могут так жить.

Ник не стал спрашивать, что он имеет в виду.

Просто протянул ему ещё одну дольку.

Мэйсон улыбнулся.

— Ты решил меня перекормить?

— Это Рождество. Положено.

Они рассмеялись.

Некоторое время сидели молча.

Потом Ник посмотрел на часы.

— Уже поздно.

Мэйсон напрягся.

— Мне пора?

— Нет.

Ник улыбнулся.

— Мы приготовили тебе комнату. Останешься на ночь.

Мэйсон поднял глаза.

— Правда?

— Конечно.

— Но я...

— Мэйсон.

Ник посмотрел на него спокойно.

— Тебе не нужно сегодня никуда ехать.

Мэйсон почувствовал, как что-то сжалось в горле.

Он быстро отвернулся.

— Спасибо.

Ник поднялся.

— Пойдём. Покажу.

Гостевая комната находилась на втором этаже.

Ник открыл дверь и включил свет.

Небольшая кровать, чистое бельё, настольная лампа, окно с видом на сад.

На подушке лежал маленький рождественский подарок от Элизабет.

Мэйсон остановился.

— Это всё для меня?

— А для кого ещё?

Он улыбнулся.

— Не знаю.

Ник прислонился плечом к дверному косяку.

В руке он всё ещё держал несколько долек мандарина.

— Ну что, устраивайся.

Мэйсон повернулся к нему.

— Ник?

— Да?

— Спасибо.

— За что?

Мэйсон пожал плечами.

— За всё.

Ник улыбнулся.

— Не за что.

Он протянул ему последнюю дольку мандарина.

Мэйсон взял её.

Посмотрел на Ника.

Потом разломил пополам.

Одну половинку протянул ему.

— Это тебе.

Ник на мгновение замер.

А потом улыбнулся.

Не своей обычной сдержанной улыбкой.

Совсем другой.

Тёплой.

Почти нежной.

— Спасибо, Мэйсон.

И почему-то именно эта улыбка заставила Мэйсона сделать то, на что он никогда прежде не решался.

Он шагнул ближе.

Поднялся на носочки.

И поцеловал Ника.

Коротко.

Осторожно.

Почти невесомо.

Ник замер.

Мэйсон тут же отстранился.

Сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышно во всём доме.

Он смотрел на Ника широко раскрытыми глазами.

— Прости, я...

Ник медленно выдохнул.

На мгновение прикрыл глаза.

Потом осторожно коснулся его плеча.

— Мэйсон...

В его голосе было столько противоречивых чувств, что парень не смог понять ни одного из них.

Ник посмотрел на него.

Очень внимательно.

— Ты мне дорог, — тихо произнёс он.

Мэйсон замер.

— Правда?

— Да.

На мгновение ему показалось, что Ник сейчас наклонится и снова поцелует его.

Но тот не сделал этого.

Вместо этого осторожно отступил на шаг.

— Уже поздно. Тебе нужно отдохнуть.

Мэйсон почувствовал, как радость медленно сменяется

растерянностью.

— Ник...

— Спокойной ночи, Мэйсон.

Он улыбнулся.

Но в этой улыбке было что-то печальное.

Мэйсон стоял посреди комнаты, сжимая в пальцах половинку мандарина.

— Спокойной ночи.

Ник вышел.

Дверь тихо закрылась.

Мэйсон ещё долго смотрел на неё.

Не понимая, почему самый счастливый момент его жизни вдруг оставил после себя такую странную боль.

Настоящее время

— Мэйсон?

Он вздрогнул.

Машина стояла перед полицейским участком.

Ник смотрел на него.

— Мы приехали.

Мэйсон моргнул.

Посмотрел на урну в своих руках.

— Да. Прости.

Ник слегка нахмурился.

— Ты в порядке?

— Да.

Мэйсон попытался улыбнуться.

— Просто задумался.

Ник некоторое время смотрел на него.

Потом кивнул.

— Хорошо.

Они вышли из машины.

Мэйсон осторожно поставил урну в закрывающийся отсек для личных вещей, который ему выделили в служебной зоне, и направился вслед за Ником.

Но мысли продолжали возвращаться к тому Рождеству.

После той ночи ты отдалился.

Ник шёл впереди.

Уверенно.

Спокойно.

Перестал оставаться со мной наедине.

Стал реже смотреть на меня.

Будто пытался стереть всё, что между нами произошло.

Мэйсон сжал челюсти.

А теперь говоришь, что человек, который был тебе дорог, уехал.

Он посмотрел на широкую спину Ника.

Так кто же это был, Томпсон?

Я?

Или кто-то другой?

В коридоре их остановил руководитель подразделения.

Инспектор Дэниел Харрис был высоким мужчиной лет пятидесяти с короткими седыми волосами и тяжёлым взгля-

дом.

— Томпсон!

Ник обернулся.

— Да, сэр?

— У нас новое тело.

Мэйсон сразу почувствовал, как Ник изменился.

Исчезла расслабленность.

Взгляд стал сосредоточенным.

— Где?

— В горах. Недалеко от старой лесовозной дороги. Женщина, предположительно двадцать пять — тридцать лет. Серьёзные повреждения. Патруль уже оцепил территорию.

— Кто обнаружил?

— Туристы. Вызвали полицию около часа назад.

Ник кивнул.

— Понял.

Харрис перевёл взгляд на Мэйсона.

— Ричардсон, вы сегодня тоже с группой. Будете работать с документацией и материалами под руководством специалистов.

— Да, сэр.

— Рис уже предупреждена. Она встретит вас на месте.

Инспектор посмотрел на Ника.

— И ещё, Томпсон...

— Да?

— Есть признаки, что это может быть связано с теми

предыдущими случаями.

Ник нахмурился.

— Понял.

— Будьте внимательны.

Через сорок минут они ехали по узкой дороге в сторону гор.

Ник вёл служебный внедорожник.

Мэйсон сидел рядом, изучая предварительную информацию на планшете.

— Женщина около тридцати, — произнёс он. — Личность пока не установлена.

— Да.

— Повреждения?

— Патруль сообщил о множественных травмах. Подробности увидим на месте.

Мэйсон кивнул.

— Ты сказал, были похожие случаи?

Ник посмотрел на дорогу.

— Были.

— Сколько?

— Три за последние несколько месяцев. Возможно, больше, если учитывать неустановленные связи.

Мэйсон поднял глаза.

— Три?

— Двое мужчин и одна женщина.

— И что их объединяет?

Ник помолчал.

— Следы возможного введения вещества. И обстоятельство обнаружения.

Мэйсон задумался.

— Передозировки?

— Не всё так просто.

— Почему?

— Ни у одного из погибших не было подтверждённой истории употребления наркотиков. Но это само по себе ещё ничего не доказывает.

— Что показала токсикология?

— В двух случаях обнаружены вещества, способные вызывать выраженное угнетение сознания. По третьему результаты неоднозначны.

Мэйсон медленно кивнул.

— То есть ты подозреваешь, что их обездвигивали перед убийством?

— Это одна из версий.

— Зачем?

Ник сжал руль.

— Вот это я и пытаюсь выяснить.

Место происшествия находилось в стороне от дороги.

Машины полиции стояли возле лесной просеки. Жёлтая лента ограждала участок между деревьями.

Воздух пах мокрой землёй и хвоей.

Мэйсон вышел из машины.

Рис уже была там.

На ней были рабочая куртка, защитные перчатки и фотоаппарат на ремне.

— Ну наконец-то! — воскликнула она. — Я уже думала, вы решили по дороге заехать за кофе!

Ник посмотрел на неё.

— Рис.

— Что?

— Работаем.

Она мгновенно посерьёзнела.

— Поняла.

И указала в сторону ограждения.

— Тело там. Патруль ничего не трогал. Я уже сделала общие снимки участка.

Ник кивнул.

— Хорошо.

Мэйсон надел защитные бахилы, перчатки и комбинезон.

Они прошли за ленту по обозначенному маршруту.

Женщина лежала возле поваленного дерева.

На вид ей было около двадцати пяти.

Тёмные волосы спутались и прилипли к лицу. Одежда была повреждена, на открытых участках кожи виднелись многочисленные травмы.

Мэйсон остановился.

Несколько секунд внимательно изучал картину.

Не лицо.

Не выражение.

А детали.

Положение тела.

Одежду.

Следы на земле.

Растительность вокруг.

Рис фотографировала.

Щёлкал затвор камеры.

Ник присел на корточки возле обозначенной границы осмотра.

— Что видишь? — спросил он Мэйсона.

Тот медленно обвёл взглядом участок.

— Не похоже, что её убили здесь.

Ник поднял глаза.

— Почему?

— Пока только предположение. Но вокруг тела мало признаков борьбы для такого количества повреждений. И положение одежды выглядит так, будто тело перемещали.

Ник кивнул.

— Продолжай.

Мэйсон указал на землю.

— Вон там нарушена растительность. Возможно, её принесли или перетащили со стороны дороги.

Рис сделала несколько дополнительных снимков.

— Я тоже заметила.

Ник поднялся.

— Зафиксируем. Проверим маршрут.

Один из сотрудников указал на небольшой предмет возле корней дерева.

— Детектив, здесь ещё кое-что.

Мэйсон подошёл ближе.

На земле лежал использованный шприц.

Неподалёку обнаружился второй.

Оба находились среди мокрых листьев.

Ник нахмурился.

— Не трогать. Сначала фотографии и расположение относительно тела.

Рис сразу направила объектив камеры на находку.

Мэйсон присел рядом.

— Интересно.

— Что именно? — спросил Ник.

— Слишком заметно лежат.

Ник посмотрел на шприцы.

— Думаешь, оставили специально?

— Не знаю. Но если их использовали, нужно проверить, кому они принадлежали и есть ли вообще связь с погибшей.

Ник кивнул.

— Согласен.

Рис закончила съёмку.

Специалист аккуратно упаковал предметы в отдельные контейнеры с соблюдением процедуры сохранения следов.

Мэйсон фиксировал данные.

Номера.

Расположение.

Время обнаружения.

Кто изъял.

Кому передал.

Он работал спокойно, сосредоточенно.

И Ник невольно заметил, насколько уверенно тот действует.

Никакой суеты.

Никаких лишних движений.

Только внимательность.

Точность.

И удивительная способность замечать детали.

Ты действительно изменился, Мэйсон.

Ник несколько секунд наблюдал за ним.

Потом заставил себя вернуться к работе.

Осмотр занял несколько часов.

Когда тело увезли для судебно-медицинского исследования, Ник и Мэйсон задержались возле служебной машины.

Рис ещё разговаривала с одним из сотрудников.

Мэйсон снял перчатки.

— Ты считаешь, это связано с предыдущими убийствами?

Ник посмотрел на лес.

— Возможно.

— Из-за шприцев?

— Не только.

Он помолчал.

— В двух предыдущих случаях тоже находили предметы, которые могли указывать на употребление наркотиков. Но общая картина не соответствовала обычным смертям от передозировки.

Мэйсон нахмурился.

— Ты думаешь, кто-то специально создаёт такую картину?

— Не исключаяю.

— Зачем?

Ник прислонился к машине.

— Есть одна версия.

Мэйсон повернулся к нему.

— Какая?

— На побережье действуют люди, которые используют небольшие суда и грузовые перевозки для незаконного перемещения наркотиков.

— Через порт?

— Через несколько точек. Причалы, частные пристани, небольшие бухты. Не обязательно через официальный грузовой терминал.

Мэйсон задумался.

— И ты думаешь, погибшие были перевозчиками?

— Возможно, курьерами. Или посредниками. Или людьми, которые случайно узнали лишнее.

— Но доказательств пока нет?

— Недостаточно.

Ник посмотрел на него.

— В этом и проблема. У нас есть несколько смертей, отдельные совпадения и подозрения. Но нет цепочки, которую можно уверенно представить в суде.

Мэйсон медленно кивнул.

— Если их действительно использовали для перевозки наркотиков, а потом убирали...

— То нужно выяснить, кто отдаёт приказы.

— И почему тела оставляют так, чтобы их нашли.

Ник посмотрел на него внимательнее.

— Именно.

Ответа не последовало.

Потом Ник едва заметно улыбнулся.

— Неплохо, Ричардсон.

Мэйсон приподнял бровь.

— Что?

— Ты всё ещё умеешь задавать правильные вопросы.

Мэйсон усмехнулся.

— А ты всё ещё любишь отвечать загадками.

Ник рассмеялся.

И этот короткий смех почему-то согрел Мэйсона сильнее солнечного света, который наконец пробился сквозь облака.

В участок они вернулись ближе к вечеру.

Рис отправилась загружать фотографии и оформлять материалы осмотра.

Ник ушёл на совещание с инспектором Харрисом.

Мэйсон устроился за рабочим компьютером в помещении для обработки материалов.

Перед ним были обезличенные сводки предыдущих дел, которые руководитель разрешил использовать для предварительного сопоставления обстоятельств. Полные материалы и персональные данные оставались доступны только уполномоченным сотрудникам.

Он внимательно изучал сведения.

Первый погибший.

Мужчина, тридцать два года.

Обнаружен возле лесной дороги.

Следы травм.

Токсикологическое исследование выявило наличие седативного вещества.

Второй.

Женщина, двадцать девять лет.

Найдена недалеко от берега.

Повреждения тела.

В крови обнаружены следы нескольких веществ.

Третий.

Мужчина, сорок один год.

Обнаружен в заброшенном складском помещении.

Признаки насильственной смерти.

Мэйсон открыл фотографии.

Увеличил один из снимков.

Потом другой.

Он не торопился.

Сравнивал.

Записывал.

Возвращался к предыдущим материалам.

Что-то в этих делах не давало ему покоя.

Не отдельные травмы.

Не шприцы.

Не предполагаемая связь с наркотиками.

Что-то другое.

Пока неуловимое.

Он открыл новую таблицу и начал сопоставлять даты обнаружения, места, результаты экспертиз и обстоятельства исчезновения погибших.

Время шло незаметно.

Ник вернулся с совещания, когда большинство сотрудников уже собирались домой.

Проходя по коридору, он заметил свет в помещении криминалистов.

Дверь была приоткрыта.

Он остановился.

Мэйсон сидел за компьютером.

Свет монитора отражался в его зелёных глазах. Светлые кудри падали на лоб. Он слегка прикусил нижнюю губу и быстро что-то записывал в блокнот.

Рядом стояла давно остывшая кружка кофе.

Ник прислонился плечом к дверному косяку.

И несколько секунд просто смотрел.

Как же странно.

Десять лет назад он наблюдал за мальчишкой, который с восхищением следил за каждым его движением.

Теперь перед ним сидел взрослый мужчина.

Серьёзный.

Сосредоточенный.

Умный.

И по-прежнему невероятно красивый.

Ник медленно выдохнул.

Мэйсон не замечал его присутствия.

Он открыл ещё один файл.

Увеличил фотографию.

Нахмурился.

Потом вернулся к своим записям.

Ник почувствовал, как на губах появляется улыбка.

Ты действительно вернулся.

Он уже собирался окликнуть Мэйсона.

Но передумал.

Пусть работает.

Ник тихо отступил от двери.

И пошёл дальше по коридору.

А Мэйсон продолжал смотреть на экран.

Не подозревая, что человек, которого он так долго пытался забыть, только что несколько минут стоял за его спиной.

И не мог заставить себя уйти.

Конец четвёртой главы.

Глава 5. По ту сторону тишины

В половине десятого вечера полицейский участок почти опустел.

За окнами сгущались сумерки. Дождь, начавшийся ещё днём, то стихал, то снова принимался барабанить по стеклу. В коридоре изредка раздавались шаги дежурных сотрудников, где-то негромко разговаривали по телефону.

Мэйсон Ричардсон сидел перед монитором.

Рядом с клавиатурой стояла чашка холодного кофе. На столе лежал блокнот, исписанный мелким, аккуратным почерком.

Он уже несколько часов сопоставлял разрешённые ему аналитические сводки по четырём случаям.

Четыре тела.

Двое мужчин. Две женщины.

Разный возраст. Разные профессии. Разные обстоятельства исчезновения.

На первый взгляд — почти ничего общего.

Но Мэйсон не верил в случайности, когда их становилось слишком много.

Он открыл очередную фотографию.

На экране появилось лицо первой жертвы — тридцатидвухлетнего мужчины, найденного несколько месяцев назад

неподалёку от лесной дороги.

Мэйсон прочитал имя.

Адам Уилсон.

Работал механиком в небольшой транспортной компании.

Не имел судимостей. Разведён. Двое детей.

Он перевёл взгляд на следующий файл.

Сара Миллер.

Двадцать девять лет. Администратор гостиницы. Исчезла после вечерней смены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.